

34(2=44.2.6-6)
1170

ВЕРА ШЛЯБИНА

**Юность, опалённая
войной**

12+

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

--	--

Посвящается

70-летию Победы

в Великой Отечественной войне

«Как быстро уходит из этой жизни наше поколение! На долю многих из нас выпала самая страшная ноша Великой Отечественной войны – оккупация и плен, а затем презрение собственной страны, которую мы так любили. И уже забываются многие факты, ежедневные события и простые люди, отдавшие жизнь во имя Родины. История оставляет потомкам только общие крупные события, имена политических деятелей и даты. И лишь немногие люди моего поколения до сегодняшних дней помнят в мелких деталях, как это было. И я среди них. В моих воспоминаниях судьба нашего поколения, наши детство и юность, опалённые войной.

2006 г.

Вера Михайловна Шлябина

12+

84(2-477.2)6-40
Ш 70

Муниципальное автономное учреждение
«Региональный историко-культурный и экологический центр»
(Экоцентр)

ВЕРА ШЛЯБИНА

*Юность, опалённая
войной*

Историко-публицистические
очерки

082062001
Мегион ЦБ-КО

Мегион
2015

МБУ «Централизованная
библиотечная система»

Инв № 82062/1-(1)

ББК 63.3(2) 622,88

М 41

М 41 Вера Шлябина. Юность, опалённая войной. Историко-публицистические очерки. – Литературная обработка: Л. Д. Кашина. – Пермь: «АСТЕР», 2015. – 110 стр.: илл.

Вера Шлябина. Юность, опалённая войной
Историко-публицистические очерки

Литературная обработка Л. Д. Кашиной

Дети, внуки, другие родственники, старожилы Мегиона и друзья Веры Михайловны Шлябиной признательны Евгению Михайловичу Макаренко, депутату Тюменской областной Думы, заслуженному мастеру спорта Российской Федерации, двукратному чемпиону мира по боксу, за оказание финансовой помощи на издание книги, а также Совету ветеранов войны и труда города Мегиона в лице Вячеслава Ивановича Качапкина и Марины Ивановны Баулиной за моральную поддержку.

ISBN 978 -5 -91356-033-9

© МАУ «Региональный историко-культурный
и экологический центр» (Экоцентр), 2015

© Вера Шлябина. «Юность, опалённая войной», 2015

© ООО «ПК «АСТЕР», 2015

О книге В. М. Шлябиной
«Юность, опалённая войной.
Историко-публицистические очерки»/
Литературная обработка
Л. Д. Кашиной (Мегион, 2015)

Выходящие в свет в год юбилея Великой Победы воспоминания В. М. Шлябиной, записанные спустя несколько десятилетий после войны, содержат и неординарные суждения о трагических событиях 1940-х гг., и многочисленные фактические подробности, чрезвычайно значимые для понимания суровой истории прошлого века в целом. Особенно важно, что автор, удивительно цепкая память которого удержала даже, казалось бы, мелкие детали давно минувшего, выразительно рисуя нередко страшные картины оккупации и последующего отнюдь не радостного возвращения к мирной жизни, эмоционально запечатлел жуткую повседневность войны, – повседневность, которой ранее чаще всего не было места на страницах официальных исторических трудов, и в настоящее время часто не свободных от идеализации сталинского режима.

Книга В. М. Шлябиной по-новому позволяет проникнуть в причины провального для Красной Армии начала войны и судить о фашистских оккупационных порядках, о невиданных потрясениях, пережитых угнанными гитлеровцами в Германию и вернувшимися из неволи на родину. Авторское повествование, пересыпанное тонкими наблюдениями, заставляет во многом иначе, чем обычно принято, представить судьбы наших соотечественников, которым довелось быть свидетелями и участниками трагедии начала Великой Отечественной войны, оккупации, плена, возвращения в «страну Советов», однако не сломленных подчас нечеловеческими испытаниями и щедро делящихся духовным богатством с окружающими, а теперь и с читателями.

Они, думается, будут безмерно признательны В. М. Шлябиной за вроде бы незамысловатый, но тем более впечатляющий рассказ о военном лихолетье, без уроков которого нельзя обойтись и новым поколениям.

Я. Г. Солодкин, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Нижевартовского государственного университета

Уважаемые читатели!

Великая Отечественная война – одно из самых сложных событий в истории СССР и наиболее значимое событие ушедшего в прошлое XX столетия. Самоотверженная, с неисчислимыми потерями, война советского народа поставила заслон планам фашистов перекроить весь мир и определила итог Второй Мировой войны – самой безжалостной и кровопролитной бойни в мировой истории. К сожалению, сегодня всё очевиднее попытки историков и политиков перекроить мировую историю с тем, чтобы умалить заслуги и подвиг советского народа и обелить фашизм. Перед Вами уникальная книга, написанная свидетелем и участником той войны. Она – не только изображение отдельных фактов Великой Отечественной войны как исторического события, отдалённого от нас 70-летием со дня победы, но живой трагический урок нашему и грядущим поколениям.

В. И. Качапкин, председатель Совета ветеранов
войны и труда города Мегиона

Преданная Родине

Великая Отечественная война коренным образом повернула судьбу нашей матери, Веры Михайловны Шлябиной, сначала лишив её возможности получить высшее образование и выбрать профессию по своему желанию, потом, в 1946 году, вписав в её жизнь нашего отца. Отныне её жизнь и судьба зависели и от его воли, и от принятых им решений. Поэтому было бы неправильно рассказывать о ней в отрыве от семьи, которая имела для неё огромное значение, и главным лицом в которой всегда был наш отец, Дмитрий Васильевич Шлябин.

Она, тогда ещё Вера Линник – высокая статная красавица белоруска, студентка-отличница Марьина-Горского техникума, но изгой для властей – бывшая узница фашистских концлагерей, трижды бежавшая из плена, за свою гордость и непокорность прозванная немцами Русской. После освобождения ей предлагали остаться в самых богатых и развитых странах мира, а она на крыше «телятника» вернулась на Родину, которую преданно любила. Так в те времена учили в школе. Так воспитывали родители, не лишним будет отметить, дворянских кровей, корни которых уходят в далёкую Речь Посполитую. Но это особая история.

Он – сибиряк, уроженец Алтайского края. Кадровый офицер-танкист, окончивший экстерном во время войны три военных училища. Воевал на Прибалтийском и Ленинградском фронтах, под командованием И. Х. Баграмяна участвовал в разгроме группы армий «Курляндия». После войны был переведён в Белоруссию, в военный городок под Минском Марьина Горка.

Его родители и дед с семьёй, крестьяне-волгари из рода долгожителей, никогда не знавших крепостного права, в 1900 году, за шесть лет до Столыпинской реформы, получив из казны Николая Второго восемьсот рублей, на подводах приехали покорять Сибирь. Ссуду дали на пятьдесят пять с половиной лет, половину её выплаты брало на себя государство. В числе пяти семей основали

на Алтае деревню. В годы коллективизации большая семья Шлябиных, умевшая работать, была раскулачена. Огромная пасека в сто пятьдесят ульев и колод пчёл, имущество и без малого сорок гектаров земли, отвоёванной у тайги и прозванной Шлябинским Соболюком, «тройка» экспроприировала. Сруб из лиственницы, начерно построенный в лесу под дом для большой семьи, так и останется там. Ссылки Шлябины избежали.

Жизнь нашей семьи была настолько яркой и насыщенной событиями, переездами, встречами с интересными людьми, что их хватило бы не на одну книгу. Большой жизнелюб, отец любил почудить. Мы часто переезжали: сначала – с Новосибирской экспедицией, потом на Вахе – по решению местных властей, иногда – в поисках красивых мест и богатой природы. За двадцать лет – пятнадцать переездов и девять домов (три из которых в Мегионе), построенных руками отца для нашей семьи, но при неизменной помощи мамы. Она умела очень многое.

Прожив вместе тридцать лет, родители, хотя последние годы жили врозь, ушли один за другим. После смерти нашей матери в 2012 году, один из историков Мегиона со щемящей обречённостью в голосе произнёс: «Со смертью Шлябиных ушла целая эпоха». И, действительно, трудно найти другую семью, в жизни и деятельности которой так сконцентрировалась бы история страны, Западной Сибири и нашего района. После войны в жизни родителей были Опытная агротехническая станция пчеловодства в Алтайском крае, пятилетний план за два года на шурфах по поиску урана в Кемеровской области, где портрет отца (забойщика) не сходил с Доски почёта, строительство спичечной фабрики в Новостройке и в составе гидроэкспедиции плотины через Обь в районе Коломино – всё в Томской области. Позже, в деревне Саровке этой же области, за отсутствием другой работы, оба трудились на лесоповале, среди депортированных немцев Поволжья. Родители не боялись никакой работы: двуручной пилой, прозванной лесорубами Р-2, валили строе-

вой лес, который плотогонны сплавливали в лагеря ГУЛАГа. Пилили и тут же кололи из некондиции и отходов швырок, в те годы главное топливо для паровозов – основного транспорта в Сибири. Заступничество отца за немца – всё ещё «врага народа» – грозило ему тюрьмой в Томске и стало причиной нашего очередного переезда. Посадив нас троих в сундук с периной и обложив подушками, погрузили на сани и лютой зимней ночью бежали в неизвестность.

В 1954 году наша мать, имевшая агротехническое и ветеринарное образования, по зову партии и велению сердца, как писали в передовицах, и с направлением Тюменского сельхозуправления едет в отсталые районы Западной Сибири. Её направили в Ларьякский (с 1962 года Нижневартовский) район поднимать сельское хозяйство среди ваховских хантов. Почти восемь лет напряжённой работы на Севере, в условиях сурового климата, фактически в дикой местности, оторванности от центральных районов страны и местного руководства, отсутствия больниц и поликлиник, детских садов, шоссейных и железных дорог, среди коренных жителей, плохо знавших русский язык, и в большинстве своём безграмотных. Для них и огурец, и молоко были одинаково чуждыми и совершенно несъедобными продуктами. Ей пришлось работать и со ссыльными калмыками, общение с которыми требовало не меньшего терпения.

В должности разъездного ветеринара и зоотехника мать достигнет невозможного. Она будет вынуждена работать и агрономом. В её ведении пять фронтов работы: зверофермы в Охтеурье (здесь её резиденция), Лапчинске, Колек-Ёгане; лошади на Рыбоучастке, в Никулкино, Лапчинске; жеребята в Лабаз-Ёгане; крупнорогатый скот, поля, огороды – всё в разных населённых пунктах; далеко на Агане – оленье стадо, бонитировкой которых она занималась.

Сообщение было непростым: летом – на лодке или в обласе, зимой – по пустынной замёрзшей реке на лошади в санях. Однаж-

ды чуть не погибла, попав в пургу. Спасли. В другой раз в дороге сломалась оглобля, домой, измученная, без седла, вернулась верхом. Не раз попадала в наледь со снегом, помогала верёвка, прихваченная с собой. В тундру ездила с хантами на оленях. С отчётом в районный центр Ларьяк – туда и обратно несколько суток на пароходе или катере летом, зимой на перекладных лошадях («по верёвочке»).

Не было коровников, скот зимовал прямо под навесом. Катастрофически не хватало клеток для размножения соболей и серебристых лисиц, гибли новорождённые щенята. Обращения матери в высшие инстанции результатов не приносили. Тогда она, узнав, что на пароходе мимо Охтеурья проплывает районный прокурор, ворвётся к нему в каюту 1-го класса, развернёт на столике перед ним газету с трупиками соболят и возразит прокурору, что это не гадость, а государственные деньги. Из каюты выйти откажется. И тот, в конце концов, поймёт её боль и настойчивость. Примет меры.

В начале зимы без согласования в колхоз имени Мирюгина деревни Усть-Колек-Ёган (куда нас переселило руководство района) отправили непродуктивных коров из Былино. Без сена им грозила голодная смерть, а председателю колхоза тюрьма. Мать вместе с отцом убедила председателя и правление колхоза сдать непродуктивных коров на мясо, чем вызвали гнев районного начальства с последующей заметкой в газете. Летом взамен зарезанных коров купили породистых нетелей.

Под лозунгом партии и правительства «Догнать и перегнать Америку по надою молока!» достигла повышения надоев с двухсот-четырёхсот граммов от коров-сименталок до двенадцати-пятнадцати литров в сутки при плане восемь. В условиях лютого Севера (не сегодняшнего, с резким потеплением климата), на сухих кормах, от нераздоенных коров, эти цифры были рекордом. Числились в передовых и по рыбодобыче, и по оленеводству. «Мы тогда гремели», – не раз вспоминала мама.

Но какой ценой это всё давалось! Ездил на оленях с ночёвкой в снегу и в землянках, вместе с семьёй жила в шалаше, а то и прямо на берегу реки в ситцевых пологах – защите от комаров, но не от холода и дождя. Лечила не только животных, но и людей: зашивала рваные раны, применяла ланцет, вправляла вывихи, спасала от укусов змей, принимала у женщин роды (однажды морозной зимой в дороге, на нартах оленьей упряжки). Не один раз ей приходилось заменять в школе учителя. Отец, член правления, по характеру лидер, руководил стройкой, вместе с мамой колхозом (председатель за триста километров), удивляя окружающих необыкновенной физической силой, энергией, юмором, талантами: пел, играл на многих музыкальных инструментах, рисовал.

На реках Вах и Колек-Ёган основали два населённых пункта, открыли школу в деревне Усть-Колек-Ёган, вошедшую в историю Ларьякского района необычностью своего появления и существования. Родители всегда и везде были первыми и поднимали других до своего уровня. Хантов учили косить сено, доить коров, сажать огороды. Мать на два срока избиралась депутатом. С нашим отъездом из Усть-Колек-Ёгана деревня зачахла: закрыли школу, захирел колхоз, наш большой дом сплывили в Колек-Ёган.

Мать с отцом поражали всех жизнелюбием, энергией, искромётным юмором, творческими способностями. Устраивали праздники, розыгрыши, ставили спектакли, пели. Всегда собирали возле себя людей, у нас постоянно кто-то жил, всем хватало места в пятистенной избе. (В нашей избе и кино показывали). Постояльцев кормили. Конечно же, бесплатно. Никогда никого в жизни не обманули и не унизили. Кристально чистые, ни на копейку не взяли ни чужого, ни государственного, что нынче является большой редкостью. Довольствовались малым, имея самое необходимое. Духовно богатые, оба пережившие войну с её потерями, они ценили жизнь, как и многие их сверстники, в другом её проявлении. Умели радоваться каждой мелочи: удачно написанным строчкам книги, хорошим стихам, первому цветку, нашим

успехам на покосе или в живописи (мы все трое рисовали, учил отец). Мнение мамы по поводу воспитания нас, детей, никогда не расходилось с мнением отца. В его основе лежали семейные традиции, труд и ответственность с ранних лет.

В 1961 году родители переехали в Мегион, чтобы продолжить наше образование в старших классах. Отец во главе бригады строил первые однорядные улицы будущего посёлка. Настоящий сибиряк, голубоглазый, с ослепительной улыбкой и мощным обнажённым торсом, он станет объектом кинохроники. Мать с её агротехническим образованием в должности техника-механика наведёт порядок в разукомплектованном хозяйстве СУ-12 «Главтюменнефтегазстроя». В конце 60-х о ней начнут писать в газетах, прозвучат передачи по радио. За что бы родители не брались, всё делали по самому высокому разряду.

В связи с большим домашним хозяйством под напором отца она сменит работу. Несколько лет отработает контролёром в клубе, ещё где-то, затем почти десять лет в НГДУ, но всегда будет в числе лучших. Отец перейдёт в лесники, этой работе он отдаст без малого четверть века. Болея душой за порушенную природу, будет проводить лесоохранные мероприятия, собирать семена редких пород сибирской флоры, неделями участвовать в тушении таёжных пожаров. Отдавший Северу пятьдесят семь лет жизни, он останется в истории Нижневартовского лесничества лучшим лесником Тюменской области.

В личном подворье нашей семьи всегда был домашний скот, большой огород, кустарники ягод. Уже будучи на пенсии, отец вместе с младшим сыном Дмитрием создаст фермерское хозяйство. Мама – главный советчик и первый помощник сыну и на землях фермерского хозяйства, и в его усадьбе на улице Подгорной, где будут высажены все древесные породы и кустарники Среднего Приобья, а также растения нижнего яруса: от марьяна корня, княженики, багульника до местных грибов. Здесь в 70-е годы зацветут липа, а в 90-е сирень и яблони. Оторванная от цветущей

родной Белоруссии, наша мать будет выращивать цветы в Сибири и дарить их людям, просто так, даже незнакомым. Её живые цветы станут главными экспонатами музейной выставки «Дарите женщинам цветы». В свои семьдесят восемь лет она же будет ведущей выставки, приведя всех в изумление знаниями и уникальной памятью. Оба, и отец, и мать, обладали огромной жаждой познания и эрудицией. Великолепные рассказчики, они заставляли слушателей плакать и смеяться. О них, людях редкой коммуникабельности, любивших людей и помогавших им, обладавших умением притягивать к себе окружающих, в Мегроне говорили: «Кто не знает Шлябиных!» И как в доказательство этих слов, после смерти мамы остался блокнот, а в нём сто двадцать шесть адресов и телефонов её друзей и хороших знакомых. Это в её-то годы... А главное, она, как и наш отец, любила землю, умела на ней работать и до конца своих дней сохранила преданность и земле, и Родине.

Лина Кашина

Первый день войны

Четыре года войны... В мирной жизни четыре года – не такой уж большой срок. Но разве сравнить его с жестокими, голодными, бесконечно длинными годами войны, когда каждый день на карту ставились и наши жизни, и будущее советской страны, которую мы беззаветно любили. Так уж нас воспитали... Мы настолько любили Родину, свой народ, что свято верили в победу, в Сталина! Я не знала, останусь ли в живых, но была уверена, всё равно победа будет за нами.

Я росла в атмосфере любви и счастья и в мире пения. Моя мама имела великолепный голос, играла на гитаре и цымбалах. Четыре любимые сестры, я – старшая, родители, которыми я восхищалась и гордилась. Дом в белорусской деревне, под Минском, утопающей в зелени садов. Море цветов. Я очень любила и хотела учиться. Даже моя будущая счастливая жизнь была предопределена.

Ещё в детстве моя бабушка Тэкля предсказала мне, что я выйду замуж за офицера, но говорила при этом: « „Внука“ Верка, будут выселять на Соловки (дурней много, у нас в ссылке полстраны), сразу просись в Зергут. В Зергутах люди вольно живут. Там нет ночей, всё видно и видно, и луга там заливные, оттого травы растут в человеческий рост. На соснах большие шишки с орехами созревают. Там нет ограничения на рыбную ловлю и скотоводство. И птиц там стреляют, кто сколько хочет, и зайцев в петли по целому возу берут. И зверья разного тьма. Но ездят на собаках и оленьих упряжках, железной дороги в тех землях нет. И яблоки там не растут, а только журавинки. Но есть черница и голубица. А в лесу сам лук растёт. Богато в Зергутах люди живут, но их туда в ссылку сослали, а домой им никак нельзя...» Сестра Ева её поправляла: «Зергут, Зергут! Ты, Фёкла, чай память потеряла. Зургут, а не Зергут... Там комары заедают людей, города далеко, и почта по году не ходит. Вона сколько людей в той холодной Сибири загло».

«Не пугай дитя! Зима там длинная, а зимой комаров нет. Ежели что, „внука“, пиши заяву в Зургут», – настаивала бабушка. Этот загадочный Зургут, где мой двоюродный дед Ефим служил ещё у царя и откуда привозил диковинные подарки моим бабушкам, – он тоже был из довоенной сказки.

Тот воскресный день выдался на редкость солнечным и тёплым. Это был первый день моей практики. Я, пятнадцатилетняя студентка агротехнического факультета Марьино-Горского сельскохозяйственного техникума, Вера Линник, получила задание вспахать большое поле. Пахала и любовалась ровными бороздами, проложенными трактором. От перевёрнутых пластов земли исходил пар. Тёплый ветерок доносил тонкий аромат полевых цветов, растущих по краям поля, вдали синел лес. Я радовалась и этому ветру, и солнцу, и тому, что я так ловко управляю стальным «конём». Какое это счастье – приносить пользу своему народу! Душа ликовала, и я, как всегда, пела.

Вдруг увидела бегущего по полю знакомого студента. Паренёк бежал и размахивал руками, что-то крича. *«Чего он бежит, я ещё и половину работы не выполнила»*, – подумала я и остановила трактор. Услышала: *«Война! Началась война!» «С кем?»* – выдавила я из себя, полагая, что на нас напала Япония. *«С Германией! Немцы напали!»* – услышала я в ответ, сползла с трактора и упала без чувств. С Германией у СССР был пакт о ненападении, ждали войну с Востока.

Счастливая сказка закончилась. Сто девяносто фашистских дивизий Германии перешли границы Советского Союза. Коричневая чума расплзлась по всему миру.

Госпиталь

Война началась в воскресенье 22 июня 1941 года. А в шесть часов утра следующего дня к нам пришёл бригадир колхоза «Осоавиахим» нашей деревни Блонь Пуховичского района Минской

области и дал мне команду взять ещё три девочки, прихватить вёдра, тряпки и идти готовить казармы под госпиталь в военном городке Марьина Горка. Ожидались раненые красноармейцы из Лиды, Волковыска и Гродно.

Нам было приказано идти за пропусками в Марьина-Горский горисполком. После чего мы начали обрабатывать керосином стены и кровати. Тумбочки и окна мыли мылом. Но не успели закончить, стали поступать раненые. А после обеда началась бомбёжка Марьиной Горки. Здесь размещались танковые и десантные части Красной Армии. Станция Пуховичи и военный городок Марьина Горка уже до войны разрослись и практически представляли единый жилой комплекс, как и местечко Пуховичи, совхоз «Индустрия» с племзаводом, деревни Блонь и Заречье. Первый комплекс от второго отделяло небольшое расстояние. До войны мы легко преодолевали его пешком.

Санинструктор приказал не говорить раненым, что мы не медработники, дал каждой по простыне, в центре которой вырезал дырку для головы, протянул бинты. Мы ими опоясались, надели пилотки и обулись в солдатские ботинки. В приспособленном госпитале раненых становилось всё больше и больше. Вчетвером мы, пятнадцатилетние девчонки (Катя Фурс, Нина Воскобович, Нюра Цеханович – моя лучшая подруга и родственница, или Регина Ревтович, тоже родственница, уже не помню, и я – Вера Линник) поднимали раненых на носилках на четвёртый этаж. Это я потом стала высокой, а тогда была маленькой и тоненькой, как былинка (не зря в школе звали Дюймовочкой), но ловкой и сильной. Санинструктор остался с нами, он дал нам бутыл с риванолом, бутыл йода, вату и кипу наволочек с простынями в качестве перевязочного материала. Показал на одном раненом, как делать перевязки. Сам ставил уколы.

Трое суток, не отходя, мы неумелыми руками обрабатывали раны и перевязывали тяжелораненых красноармейцев. Страна ожидала нападения, мы все сдавали нормативы по военной и

физической подготовке, учились оказывать первую помощь раненым. Я в числе первых получила значки ГТО (Готов к труду и обороне) и «Ворошиловский стрелок». Отец, кадровый офицер, учил меня быть сильной и ловкой, предвидя неизбежность войны. Но одно дело – теория в мирное время и совсем другое – настоящие раненые. До сих пор в памяти стоит картина тех дней: тяжёлые носилки, ступени, ступени, ступени, бесчисленные ступени до четвёртого этажа, искажённые болью лица, крики и маты в адрес Гитлера, кровавые рваные раны, часто заткнутые мхом или наспех перевязанные рукавом от рубахи, сучья, привязанные к конечностям вместо дощечек, окровавленные бинты. А раненых везли и везли, их становилось всё больше и больше. Но именно тогда я окончательно решила для себя, если выживу на войне, стану хирургом.

Немцы наступали быстро. Бомбёжки усилились. Мы получили приказ везти раненых в Бобруйск, солдаты погрузили их в телеги и в машины, и вместе со старшими мы двинулись в сторону населённого пункта Майского. Но уже было поздно, с воздуха строчили пулемёты, бомбили дорогу и объекты. Было непонятно, где фронт, а где тыл. Старшина дал нам приказ оставить раненых в лесочке, а самим вернуться назад в казарму. Кого-то из раненых разместили в сараях деревни.

Пятнадцатилетние подростки, мы уже третьи сутки не были дома, безумно устали от носилок с ранеными, перевязок и крови, трое суток не спали и почти не ели (было некогда), но никому из нас даже в голову не пришло пойти домой. Однако в казарме уже было пусто. Несмотря на это, домой нас не пускали, не было с собой документов. Целый день мы сидели голодные, прислушивались к грохоту канонад, потрясённые тем, что творится, и в неведении, что делается дома, а главное, мучаясь, от бездействия. Когда подъехала машина с политруком, мы успели поспать. Объяснили ему ситуацию, после чего нам разрешили вернуться к родителям. Было уже около пяти часов утра.

Сергей Данилов

Вернувшись из госпиталя домой, я переоделась, умылась, поела. Отца дома не было. Он до меня приезжал домой верхом на вороном красавце Черкесе, через открытое окно попрощался со всеми, маме сказал, что едет с заданием, больше ничего не сообщил. Потом мы узнали, что он возил секретные документы в военный городок Лапичи. Но дома сидеть я не могла, собралась идти к бригадиру, чтобы поручил что-нибудь важное. Однако мама задержала, отправила меня с младшей сестрой Марусей посмотреть, не забрались ли в огород совхозные коровы.

Наш большой огород с одной стороны соседствовал с совхозным, с другой заканчивался ольшаником, который переходил в болото. Моё внимание привлекли вороны, которые кружились рядом с большим тополем. По ту сторону забора возле дерева лежал раненый. Нам, выросшим в окружении военных городков, не составило труда определить, что он был танкистом. Потом от родственника Женьки Буценца узнали, что раненый, его звали Сергей Данилов, пытался через наш огород спуститься к реке Титовке, где стояла воинская часть нашего отца. Но не смог оторвать доску от забора и потерял сознание.

С десятилетней сестрой мы, отодвинув доску в лазе, через который до войны бегали на танцы, затащили танкиста в огород. Он был для нас тяжёлый, ибо не двигался и не помогал нам. Пока я с его фляжкой сбегала к реке за водой, Маруся порвала фартучек и косынку на бинты и начала перевязывать танкиста. Он пришёл в сознание. Я ещё не успела вернуться с водой, как слышались стрельба, лязг машин и чужая речь. Части отца на берегу Титовки уже не было. Быстро перевязав раненого, закидали его огуречной ботвой, а сами затаились между огуречных грядок. Немцы уже были на нашем огороде, посмотрели в нашу сторону, ничего подозрительного не заметили, на всякий случай постреляли. Но мы уже сделали своё дело.

Когда мы вернулись домой другой дорогой, через болото, на нашем развороченном гусеницами огороде, прямо на клумбе с георгинами, стояли немецкие танки, штук семь. Во дворе на собственной шкуре лежал зарезанный телёнок, одни немцы свеживали гусей и кур, другие с пьяным смехом рубили кустарники и пилили фруктовые деревья. Я потянула Марусю на сеновал.

На крыльцо вышла двухлетняя Иринка. Стоявшая во дворе мама забеспокоилась и взяла её на руки. Немец со смехом попросил дать поддержать девочку, мать крепче прижала её к груди. Тогда он вырвал Иринку из рук мамы, а молодой фашист, стоявший рядом, приставил к её груди автомат, не пуская к ребёнку. Изверг потянул Иринку к кринице и вылил на неё ведро ледяной воды. Девочка посинела и страшно закричала. Немцы смеялись: *«Гут, карашо!»* Я закрыла Марусе рот ладошкой в страхе, что она закричит. К коленям матери жалась перепуганная пятилетняя Нюся. На третьи сутки она стала плохо ходить, а вскоре на нервной почве у неё отнимутся ноги. Для Иринки «купание» не пройдёт бесследно: ночью заболят уши, начнётся сильный жар. Антибиотиков не было. Уши будут болеть всю войну. Начнётся потеря слуха, с возрастом младшая сестра-певунья почти оглохнет.

Фашисты вынесли из дома патефон, цимбалы и граммофон, праздновали победу. Был четверг. Шёл пятый день войны. Как же мы их ненавидели!

И полилась кровь

Было жутко: доносился плач, лаяли собаки, забившись в подворотню. Непривычно молчал репродуктор, пахло гарью – догорали наши танки вместе с танкистами... По обочинам дорог и возле танков лежали убитые красноармейцы, женщины, дети. Хоронить не давали. Фашисты везде установили виселицы, вешали раненых красноармейцев, попавших под руку евреев и по доносу – комсомольцев, коммунистов, активистов. Черноволо-

сых и смуглых ожидала та же участь. От соседей мы узнали, что из баков наших самолётов кто-то слил горючее, ни один не смог взлететь с аэродрома. Никто из нашей семьи до еды не дотронулся.

Вечером, когда немцы съехали с нашего подворья, мы с мамой и тринадцатилетней сестрой Соней перетащили пришедшего в себя раненого танкиста на высокий сеновал, где мама обработала его раны и перевязала заново. С наступлением темноты появился отец. Мы его не узнали – его чёрные, как смоль, волосы поседели. Он всё повторял: *«Как же так? Почему мы отступили? Почему сдали свою землю?»* Один его спутник был убит, другой ранен, пока отец определил его в госпиталь, потерял много времени. Несмотря на приказ эвакуироваться после выполнения задания, он не успел уйти за линию фронта. Фронт был ещё далеко. Но навстречу по дороге и через мост уже ехали мотоциклисты с чужой речью, однако в красноармейской форме. Отцу пришлось искать брод и прятаться. Все пути были отрезаны, немцы стремительно продвигались вперёд. И хотя дома было опасно, он вернулся в Блонь.

На пятый день раненый танкист с утра не приходил в сознание. Мы решили привести на сеновал врача, капитана медицинской службы Кучинского. Он представился немцам ветеринаром, они праздновали победу и не особенно вникали в жизнь населения. Обработал раны Сергея и наложил повязку на здоровую ногу корове.

«Где сейчас наши войска?» – часто спрашивал раненый, но мы сами хотели знать, где советские войска. Как-то вечером мама привела ещё пятерых раненых на сеновал. Других раненых она перевязывала в окопе, под который использовали большое хранилище для фуража за огородом, в зарослях деревьев и кустов. Отлежавшихся раненых мы переводили через болото и направляли в лес. Пришло время, проводили и Сергея Данилова, снабдив гражданской одеждой и продуктами.

Через много лет, в 1966 году, он приедет из Челябинска в Белоруссию и с трудом найдёт наш дом. Поговорит с мамой, посмотрит наши фотографии, а потом напишет письмо в Нижневартовск, в редакцию районной газеты «Ленинское знамя». Главный редактор сделает запрос и получит ответ из Пуховичского райвоенкомата: «... В период оккупации Линник по мере возможности помогали бежавшим из плена и выходившим из окружения военным служащим Советской Армии, а также партизанам». И только после этого напечатают письмо полковника Данилова на всю газетную полосу. Будут и ещё публикации.

Новые порядки

На второй день оккупации, в пятницу, фашисты всех согнали к церкви, вверху на звоннице установили пулемёты и навели стволы на нас. Зачитали приказ немецкого командования. Он состоял, помнится мне, из двадцати четырёх пунктов. За слушание или нарушение почти каждого из них грозил расстрел либо повешение. За ношение красной одежды – расстрел, даже если она была в цветочек или в горошек, за сбор более трёх человек – виселица, за прослушивание радио – виселица, за нахождение на улице после установленного времени – расстрел, за помощь пленным – расстрел. Всё-всё сводилось к смерти.

Немцы ввели новое административно-территориальное деление и определили новые должности. Здание Блонского сельсовета отвели под волостное управление. Бургомистром Блонской волости назначили бывшего уголовника Овсянника, отсидевшего в своё время десять лет в тюрьме в Оренбургской области. В сельскохозяйственной школе и интернате разместили полицию и войска СС. А в Блонской школе расположились комендатура и немецкая охрана. В Марьиной Горке организовали два лагеря, один для военнопленных, другой для гражданского населения.

Фашисты установили строгий комендантский час, запретили закрывать двери на крючок. Очень тяжело было зимой с шести часов вечера сидеть без света. Не работали магазины, аптеки, клуб, библиотеки, школы с седьмого класса. Их посещали очень немногие, наша Маруся продолжала учиться. Бедных учителей потом обвинят в пособничестве фашистам. Много позже Александр Солженицын в защиту учителей напишет о малых ребятах: *«Им учиться или баранами пожить года два-три во исполнение ошибок верховного главнокомандующего? Не дал батька шапки, так пусть уши мёрзнут, да?..»*¹

Организовали биржу труда, заставили работать на себя всех, в том числе и военнопленных. На работы нас направляли по разнарядке и в Марьину Горку, и в совхоз «Индустрия», и в Пуховичский городок, так назывался аэродром за Поповой Горкой. Здесь мы красили самолёты – маскировали их, заодно воровали знаки для передачи пленным, они из пластика делали расчёски. Все годы оккупации нас гоняли на лесоповал, немцы бензопилами (у них уже были и электропилы) валили строевой сосняк, а мы рубили сучья, шкурили брёвна и на стяжках волоком по несколько человек вытаскивали их из леса к дороге. Фашисты вывозили наше богатство к себе, в Германию. Возили нас в карьеры и на стройки, мы и крыши крыли, и занимались разным ремонтом.

Однажды немецкий офицер вёз на мотоцикле военнопленного Фёдора Филатенко. В двух километрах от нашей деревни мотоцикл заглох, немец начал копать в нём. Дал команду пленнику помочь ему. Филатенко «помог» – убил склонившегося немца сапёрной лопатой, забрал планшет и бежал к партизанам. Он, военный, остался в лесу – руководить партизанским отрядом. Планшет с ценными документами передали в штаб фронта. Потом говорили, что Фёдор получил высокую награду, чуть ли не Героя Советского Союза. Немцы подожгли дом родителей его жены Евдокии, а её расстреляли на пепелище. Двое маленьких

сыновей Фёдора находились с его тещей где-то в другом месте, они уцелели. Ей придётся вместе с внуками жить в бане, но это потом.

А пока нас, жителей деревень Блонь, Заречье и совхоза «Индустрия» снова согнали к церкви и поставили на расстрел. Перед нами – немцы и полицаи с автоматами, сзади со звонницы церкви в спины направлены дула пулемётов. За смерть немецкого офицера подлежала расстрелу тысяча мирных жителей. Немцы требовали выдать убийцу, считали, что мы знаем, где он прячется. Наделали виселиц, многих вздёрнули для острастки. Двое суток я, мне было пятнадцать лет и семь месяцев, моя мама и две сестры младше меня стояли под прицелом и ждали, когда нас расстреляют.

Две наши маленькие сестрёнки, когда нас забирали, успели спрятаться по маминой команде в нише под русской печкой, сколько там сидели, неизвестно. А когда услышали во дворе чужую речь, пятилетняя Нюся открыла окно, прямо под ним росла густая сирень, и посадила Иринку, ползком доползли до криницы, оттуда к болоту под ёлку. Но об этом мы узнали позже, а пока все это время, уверенные в скорой смерти своей (насмотрелись на зверства фашистов), думали о беспомощных детях, оставшихся дома без присмотра, и о том, что их ждёт после нашей смерти.

После того, как от нас, стоявших под расстрелом, не удалось ничего добиться, немцы дали команду сжечь все три деревни дотла, а людей уничтожить. Тогда из толпы обречённых вышла эстонка. Католичка прижимала к груди большую старинную библию. *«Не убивайте людей, – заговорила она по-немецки, – они ни в чём не повинны. Вы видите, мы единственные в районе сохранили Божий храм. Если хотите, убейте меня! Стреляйте в моё сердце через эту библию!»*

Но не её речь повлияла на решение немцев оставить нас в живых и сохранить деревни. Вмешался вернувшийся недавно немец, пан Гараис, до революции бывший управляющим имени-

ем у пана Смоловского, что находилось на территории совхоза «Индустрия». Он-то и спас от уничтожения совхоз, нашу Блонь, Заречье и нас, их жителей. Гараис заявил фашистам, что планы быстрого захвата русских не оправдались, и неизвестно, сколько немцы пробудут в СССР. Если сейчас уничтожат самый большой в районе сельскохозяйственный комплекс из трёх деревень, самим скоро нечего станет есть. Не лучше ли сохранить колхоз и совхоз с племзаводом и заставить работать местное население. Немцы народ практичный – подумали, посоветались и согнанную толпу сельчан распустили по домам.

Когда мы вернулись домой, в доме было пусто. Все вещи исчезли, вплоть до детского горшка. Матрацы распороты, (перины, пуховые подушки, одеяла и хорошие вещи немцы забрали в первый день войны), перьевые подушки выпотрошены, по всему дому перья и сено из матрацев. Ни детей, ни игрушек. Мама не выдержала, упала в беспамятстве. Мы долго искали сестричек, они были в тёмных платьцах. Нашли под ёлкой, в сырой траве. Сколько они там просидели, неизвестно. Иринка прижалась к Нюсе, вцепилась в неё мёртвой хваткой. Нас сестрички не узнали. Соня попыталась забрать Иринку, Нюся её укусила. Мы долго не могли развести ручки Ире. Когда детей привели к матери, она тоже ничего не понимала. Мы плакали, отпаивали маму валерьянкой, боялись, что она сошла с ума, не придёт в себя,

Фашисты последовали совету Гараиса, сохранили советскую модель коллективного хозяйства. До 1942 года мы работали на совхозных и колхозных полях и огородах. Племенной скот ещё до появления Гараиса фашисты «телятниками» отправили в Германию, остальной частично успели порезать на мясо. Я работала в колхозе, кто-то в совхозе. Потом их преобразовали в крестьянские общины, поля и огороды разделили на участки, назначили каждому норму сдачи урожая германцам. Но на пять-шесть хозяев выдавали одну лошадь, на десять человек один хомут. Как было работать?

С приходом немцев начались массовые расстрелы евреев, пленных красноармейцев, кругом понаставили виселиц, вешали без суда и следствия коммунистов, комсомольцев. Часто убитые лежали вдоль дорог и в канавах, хоронить их не разрешали в назидание другим, за этим смотрела стража. Уготовили дикую смерть неповинным детям. Их собирали по деревням и везли в Марьину Горку в Дом писателей, где немцы устроили госпиталь. Там у детей забирали кровь, тут же обескровленных, ещё полуживых, но уже обречённых на смерть, забрасывали в машину и везли в общую яму.

Особым издевательствам подвергались евреи. На наших глазах им давали спицы и заставляли выкалывать друг другу глаза, пить из грязных луж воду, есть дождевых червей, прыгать со второго или третьего этажа, закапывать живьём друзей или родных, толстых заставляли пролазить через узкие ножки стульев. Всё это сопровождалось диким хохотом фашистов. Наверно, не было такого издевательства, которого не придумали фашисты с их извращённой психикой.

Не лучшим отношением было и к советским военнопленным, которых содержали в конюшнях Заречья. Зима 1941 года была отмечена трескучими морозами. Но, несмотря на это, бедные пленные спали в конюшне на голом полу, без шапок, сапог, в рваных шинелях, а то и того хуже, в том, в чём их летом захватили немцы. Ноги примерзали к дырявым ботинкам. Голодные, больные, они гибли ежедневно. Их становилось всё меньше и меньше. Бывало, сядешь в машину, спросишь, где Иван или Семён, пленные только пилотки снимут. Шапок у них не было в самые сильные морозы. За помощь пленным грозила смерть, но никакие пытки, никакие угрозы не останавливали нас. Как могли, старались помочь пленным. Иногда стирали их рваную одежду, приносили отвары трав. Бывало, неловко бросишь кусок тыквы или картошку, полоску какой-нибудь тряпки перевязать рану, а немец увидит, тут уж не жди пощады – били, сколько хотели и

как могли. Сколько раз мы с сердобольной сестрой Соней были биты! Хорошо, что не до смерти. Случалось, немцы и убивали.

Ужас и неслыханные зверства обрушились на наше молодое советское государство. Так мы узнали, что такое фашизм.

Гибель аиста

Наш дом стоял у болота. Соток пять земли перед болотом украшали деревья, сирень и черёмухи, где с утра до поздна выводили свои трели соловьи. Здесь же росли ольхи, высокие, раскидистые и мощные. Давным-давно, в счастливое довоенное время, наш отец взгромоздил на развилку одной ольхи деревянную борону, а на другой кромке леска пристроил большое колесо. Когда-то наши предки-славяне поклонялись солнцу, символом которого было колесо, его устанавливали высоко на столбе. Тогда же большие красивые птицы облюбовали колёса себе под гнёзда, и стали почитаться наряду с колесом. Потом значение колеса стало и вовсе многими забыто, его сакральность слаянские народы, в том числе и западные, перенесли на аиста. Аист (по-белорусски «бусел») – для белорусов испокон веков священная благородная птица, символ рождения, жизни, вестник солнца, весны, хранитель дома, семьи. Никогда ни у кого не поднималась рука на эту птицу.

Как же мы радовались, когда на деревьях появились первые белые птицы, с двухметровым размахом крыльев, красными клювами и красновато-бурыми лапами. Пары начали строить гнёзда: таскали ветки, какие-то крепкие стебли, всё искусно вплетали в колесо и борону. Наши куры и утки с гусями так не умели! А в начале апреля самки сели на яйца. И любо-дорого было смотреть, как заботились о них самцы. Не удивительно, что аисты стали символом дома, семьи.

Каждую весну птицы возвращались к нам. И каждый раз нашей радости не было предела. «*Мамочка, мамочка!*» – кричали мы.

– Они не погибли в дороге и не забыли наш дом!» Аисты обновляли гнёзда, выводили новых птенцов, и нам интересно было наблюдать, как их учили летать, как они ходили с мамашами по болоту, добывая себе пропитание.

Беда случилась в конце лета. Подстелив под яблоней какое-то тряпье (добрые вещи фашисты сразу же забрали), мои младшие сёстры играли кто в камешки, кто во что горазд. Я копалась на грядках. Подошёл немецкий офицер, разделся, сел на траву, плюнул на камешки, мол, дешёвые игрушки, увидел на дереве красные яблоки, сорвал одно, укусил и в сердцах выплюнул. Яблоки ещё были незрелые. Злой, немец что-то бормотал. Тут он заметил подлетающую к гнезду самку, выхватил пистолет. О, боже мой! Птица упала.... Немец оделся и ушёл. А мы, и старшие, и младшие, горько плакали и проклинали немца. Чем же тебе, мразь, помешала священная птица?

А потом прилетели два молодых аиста и с ними самец. Сколько же горя было у птиц! Они летали вокруг гнезда, опускались на землю и касались самки. И снова взлетали наверх. И снова вниз... Нам казалось, что аисты умоляют птицу вернуться в гнездо. Мы плакали все навзрыд, так я рыдала, когда мою любимую корову Зорьку вместе с овцами и курами забирали в колхоз. Тогда я вцепилась в неё и не пускала. Наша жизнь снова рушилась.

Баня

Немцы очень боялись заразы: чесотки, тифа, педикулёза. И в августе 1941 года решили устроить для «*руссиш швайн (русских свиней)*» баню. Два солдата с переводчиком пришли к нам в дом. Приказали взять с собой посуду и нас четверых: нашу маму, Любовь Васильевну Линник, меня, сестёр Соню и Марусю, погнали в баню. Сестрички Нюся и Иринка, наученные нами и горьким опытом, при виде немцев успели спрятаться в высоких лопухах за огородом.

На перекрёстке дороги уже собрали большую группу мужчин и женщин с детьми, их тоже погнали мыться. Баня находилась километрах в четырёх от Блони. В ней было два отделения: мужское и женское. Нас загнали в предбанники, женщины с детьми пошли в женский предбанник, мужчины – в мужской. Здесь мы получили приказ раздеться догола. После чего все волосистые части тела, начиная от головы, нам густо-густо обмазали креолином. Креолин – дезинфицирующее вещество, в основном применяется в ветеринарии для лечения чесотки, экземы, лишая у животных. Когда мы были намазаны, нас всех с ведром в руках (иной посуды не было) из предбанника затолкали в баню. С другой стороны точно так же загнали мужчин. О, стыд и ужас! Перегородку, делившую ранее баню на мужскую и женскую половины, немцы снесли. Мы оказались вместе с мужчинами, не зная, куда деваться от боли и стыда. Эту пытку мы несли более часа. Креолин щипал тело, разъедал глаза, его сильный запах забивал нос и раздирал лёгкие. А более всего нас душили стыд и ненависть к фашистам. Нас, здоровых людей, обработали лекарством для животных. Так, на всякий случай. И, голых, сбили в одну кучу, словно скот.

Через час с лишним на нас сверху пустили поток холодной воды. После душа, толкаясь, выбираясь к своей одежде, и схватив её в охапку, голые, мы вырвались из бани. С глазами, разъеденными креолином, с болью, рвущей лёгкие, обезумевшие, долго бежали всей толпой.

Наконец опомнились и сообразили, что бежим нагишом. Остановились, начали протирать глаза и одеваться. Редкие встречные и выглядывавшие в окна люди в страхе смотрели на нас, понимая, что фашисты сотворили с нами что-то ужасное. У нас же не было сил объяснять, какой экзекуции мы подверглись в целях немецкой дезинфекции.

Продезинфицировали фашисты всех. Тех, кто не смог выйти из дома, и маленьких детей обработали на дому: посыпали сухой

хлоркой. Такую немецкую сверхкультуру ни один из нас, уцелевших на той войне, не забыл до самой смерти.

Лягушки на обед

Наше подворье переходило в болото, поросшее ольховником. За болотом тянулась река Титовка. Однажды, а дело было летом, у нас во дворе появились немцы с засученными штанинами брюк. В посудине держали улов, наверно, рыбы на Титовке наловили, решили мы. Немцы потребовали у мамы сковородку, тут же в саду развели костёр. Сварили кофе, принялись делать салат из наших огурцов. Я, пожелав фрицам приятного аппетита, а про себя добавив: *«Чтоб вы подавились!»*, спустилась к реке.

Когда возвращалась назад, один из немцев протянул мне вилку с кусочком рыбы, как думалось мне, и попросил проверить, поджарилась ли она. Рыба прожарилась, очень приятно пахла, но вкус её был необычен. Я удивилась, что за редкая рыба заплывала в нашу мелководную Титовку. Сказала немцу, что блюдо готово, можно есть, и спросила, что это за рыба. *«Фрош, дас ист фрош (Лягушка, это лягушка)»*, – ответил немец и протянул мне ещё и лягушачью лапку. Но мне было уже не до угощенья. Услышав ответ, я побежала в кусты, меня рвало. Целый день я плевалась, а мама убрала с кухни в кладовку сковороду, на которой жарилось «изысканное» блюдо. А вдруг ещё какой-нибудь «немчура» захочет этой гадости.

Потом в Германии, в концлагерях, когда страшно хотелось есть, я почему-то неизменно вспоминала этих лягушек и думала: *«Сейчас я бы их ела, ведь мясо-то было вкусное. Ну и что из того, что лягушки!»*

Долг платежом красен

От конюшен, где содержались лошади Красной Армии, а ныне разместили военнопленных, и казарм, где жили сами, фа-

шисты носились на мотоциклах в комендатуру через блонский лес. Многие из них жили в сельскохозяйственной школе возле Блонского сельсовета. И те, и другие часто, сокращая дорогу или избегая мост, которого боялись, шли возле нашего дома через болото. Оно, фактически проходимое, таило в себе опасность, о которой пока не знали фашисты. В некоторых местах на болоте были отдушины под названием Чёртово Око. Бездонная прорва сразу засасывала человека или животное.

Я шла мимо болота перевязать пасущуюся лошадь на новое место. Услышала крик: «Хильфе! Хильфе! (Спасите!)» и увидела, как болото медленно засасывает незадачливого немца, решившего сократить путь к комендатуре. Я подбежала, мне его не было жалко, я ненавидела фашистов, но знала о приказе немецкого командования. За одного убитого немецкого солдата расстреливали сто русских, за одного убитого офицера – тысячу русских и сжигали дотла деревню со всеми жителями. Я отвязала лошадь, один конец верёвки привязала к стоявшей рядом ольхе, другой бросила немцу. Он выкарабкался из трясины, весь грязный и злой. Спросил, как меня зовут, и где я живу. Я кивнула в сторону дома и назвалась Лизой Вальтер, я часто так именовала себя. Немец попросил показать безопасный переход к реке. Потом я много раз видела его на охране и местных жителей, и военнопленных, когда нас возили грузовиком на работу.

Осенью нас, девушек, отправили на бывший «военвед», так все звали огороды воинских частей, копать петрушку. Я несла ведёрко с кореньями на дорогу в общую кучу. Неосторожно очень глубоко поранила ногу о сухой стебель тысячелистника. Девушки, оторвав край нижней сорочки, перевязали меня, но кровь не останавливалась – бежала ручейком. Нога очень болела. Я присела на камень, возле которого лежали наши вещи. Тут же прибежал немец, тот самый, которого я спасла, и так сильно пнул меня ногой в грудь, что я упала с камня лицом в землю. Я успела сказать: «*Камерад, их бин Лиза Вальтер (Приятель, я Лиза Вальтер)*». На что

он, ругаясь, ответил: *«А мне всё равно, кто ты, русская свинья, собирай овощи или я тебя убью!»*

На его крики подошёл молодой офицер. Я ползала на четвереньках, складывая корни петрушки в ведёрко. На вопрос офицера объяснила по-немецки, что поранила ногу и не могу остановить кровь. Он тут же достал пакет, обработал мне ногу йодом, я перевязала её. Спросил, где мой дом, я ответила, что *«камерад»* знает. Молодой офицер приказал Альфреду, так звали спасённого мной немца, отвезти меня на мотоцикле домой, я ответила: *«Нет! Мне после работы помогут девушки»*. Однако, молодой офицер приказал мне сесть на мотоцикл и довёз меня до комендатуры, дальше я сама доковыляла до дома.

«Дяденька, не убивайте нас!»

Каждый прожитый день войны – целая история. Совхоз «Индустрия» Блонского сельсовета с племзаводом по воспроизводству свиного племенного поголовья находился за нашей деревней Блонью, метров за шестьсот. До войны его штат составляли жители нескольких деревень. С приходом немцев совхоз в основном занимался возделыванием зерновых для немецкой армии, а также разведением крупнорогатого скота. Определённая доля урожая оставлялась его работникам.

В августе 1941 года ячмень в совхозе был сжат и вывезен с полей. На поле оставались колоски, которые не запрещалось собирать мирному населению. Мой педагог из техникума Валентина Андреевна Говар, до войны преподававшая агрохимию, её мать Мария Павловна, я и моя младшая сестра Маруся тоже пошли собирать колоски. Набрали колосков и потёрли их на зерно, в наших сумочках получилось граммов триста-четыреста зерна.

В это время к нам на белом коне подскакал управляющий совхозом, сначала открыл стрельбу в воздух. Мы со страху по-

падали, и тогда пули засвистели над нашей головой. Мария Павловна плакала и просила: *«Не убивай! У меня четверо внуков, сын и зять погибли в Финскую войну»*. А тот продолжал палить и кричать: *«Хлеб нужен немецкой армии! А вы точно собираете его партизанам!»* Мы молили о пощаде, говорили, что собрали колоски для себя, сами голодные, что они всё равно пропадут, но управляющий продолжал стрелять до тех пор, пока не кончились пули. Затем взвил свою лошадь на дыбы над нашими головами и, грязно ругаясь, ускакал. Мы вышли на дорогу, по ней ехал возчик с сеном, посадил до смерти напуганную Марийку на воз и туда же положил сумочки с ячменём. Дорого нам достался суп из этой крупы. А десятилетняя сестричка ещё долго кричала по ночам: *«Дяденька, не убивайте нас!»*

Кровавый сентябрь 1941 года

С незапамятных времён для евреев существовала черта оседлости, им запрещалось селиться в городах, местом их проживания царское правительство определило местечки. С приходом советской власти это ограничение, как и ряд других, с евреев было снято. Однако в топонимике как тип поселения местечки ещё оставались. Рядом с моей родной деревней Блонью, фактически примкнув к ней, раскинулось местечко Пуховичи, основным населением которого на начало войны являлись евреи. В близости от моей деревни располагался военный городок с поэтическим названием Марьино Горка, также обильно населённый евреями.

Я с пятого класса по седьмой и далее в техникуме училась в Марьино Горке, среди моих учителей было много евреев. Хорошие педагоги, грамотно объяснявшие материал, они были требовательны к знаниям. Правда, учитель геометрии вместо слова «угол» говорил «югол», «коэффициент» у него звучал, как «аффициент», а «а, бэ, цэ, дэ» он произносил как «а, бе, се, де». Но это ни-

чуть не умаляло его в наших глазах, более того, мы его не только уважали, но и любили. Среди моих учителей евреев: физик Вениамин Израилевич Мышалов, химик Сора Менделеевна Шкляр, преподаватель земледелия Исаак Исаакович Кацнельсон, преподаватель конституции Наум Исаакович Борт, преподаватель русского языка Мина Александровна Лившиц, преподаватель белорусского языка Фира Ефимовна Кац. Марта Фредовна Фишер и Анна Капитоновна Шварц вели черчение, Риса Сухман историю, Мезин химию. Я была круглой отличницей, и по сей день благодарна моим учителям за знания, которые они старались нам дать.

Но проклятая война, как чёрной тучей, накрыла страну. Гитлер объявил, что немецкий народ – самая «чистая» нация. Надо стереть с лица земли евреев, цыган, молдаван и другие «нечистые» народы. Молодых и крепких славян СССР превратить в рабов рейха, старых и больных пустить в расход. В 1940 году был разработан план Барбаросса, а в 1941 году сто девяносто дивизий напали на Советский Союз, расчищая жизненное пространство для немецких колонистов.²

В сентябре 1941 года немецкие власти, расположенные в Марьиной Горке, объявили евреям сбор для отправки на этническую родину. Израиль как государство тогда ещё не существовал, евреев уверили, что их повезут в Палестину. Приказали взять с собой все драгоценности, золото и ценные вещи. Собрали всех в военном городке, где загрузили в семнадцать грузовых машин (больше не оказалось) и повезли в сторону Поповой горки.

Путь пролегал мимо нашей усадьбы, которая была недалеко от начала деревни. Мы с мамой в тот день жали картофельную ботву на корм корове зимой. Услышав гул машин, вышли на обочину дороги. Грузовики были набиты евреями, они стояли так плотно, что не было даже необходимости держаться за борта. Среди них много знакомых. Учителя, медики, портнихи, сапо-

жники начали махать нам руками, прощаться. Кричали, что едут в Палестину. Казалось, ничто не предвещало беды. Но в голове у меня замелькали мысли: *«С чего бы фашистам везти евреев в Палестину? И почему везут в другую сторону от станции Пуховичи? А может, людей на машинах доставят до иной станции... Кто их поймёт, этих немцев, с их планами?»* Мы с мамой прощались со знакомыми. Тоже махали руками, что-то кричали им вслед... Машины уносили так много знакомых лиц: мелькали мои учителя, одноклассники, однокурсники. Я прощалась с ними, а душа ныла от тоски и неизъяснимой тревоги.

Вскоре пришла страшная весть. Оказалось, евреев высадили за совхозом «Индустрия» на Поповой Горке, в лесочке, где полиции было приказано заранее вырыть траншеи и ямы. Машины отправили за следующей партией людей. Через каких-то тридцать минут после отправки бедных людей раздели до нательного белья, проверили, нет ли в нижнем белье украшений или золота. Женщинам отрезали длинные косы, тогда мало кто носил стрижку. Обладателям золотых коронок и мостиков их выбивали кулаками, если не получалось, то прикладами или сапогами. Затем поставили на самый край ямы-траншеи, лицом к ней, и расстреляли. Вместо обещанной прародины – траншея в лесу, рядом со скотским захоронением, куда сбрасывали с последующей дезинфекцией заразных животных. Человек семьсот детей, чтобы не тратить на них пули, а возможно, просто из зверских побуждений, фашисты и полицейские с размаху били головой о растущие рядом сосны и тоже скидывали в общую яму. Должно быть, в назидание другим траншею даже не удосужились засыпать землёй.

Когда я была на родине, обязательно навещала братскую могилу одной тысячи семисот невинных евреев, чей прах покоится на Поповой Горке. Среди них одиннадцать моих учителей. Царство небесное всем, убитым руками фашистов и их прихвостней полицейских!

Сибиряк дядя Стёпа

15 марта 1942 года мать отправила меня в Марьину Горку. В тот день мне исполнилось шестнадцать лет. Я отошла от дома метров за двести и подошла к блонскому мосту. Возле него стояла крытая грузовая машина, в ней сидели женщины, а рядом копошились два пьяных полицейских и громко ругались. Когда я поравнялась с машиной, они схватили меня, скрутили руки за спиной, связали их парашютным шнуром и затолкали меня в кузов. От женщин узнала, что полицаи везли их и молодую девушку или в Германию, или куда-то на работы в Белоруссии. Оба сидели в машине пьяные и играли в карты. Вскоре грузовик сломался, сидевший за рулём водитель и механик вышли. Полицаи тоже выбрались из кузова на помощь. Когда ремонт машины был закончен, девушки не досчитались. Взамен её и схватили меня, волею случая оказавшуюся рядом с машиной.

Я была доставлена на биржу труда в Марьину Горку, женщин повезли дальше. Меня, связанную, поручили охранять полицейскому. В тот момент в помещение вошёл начальник биржи А. И. Алешкевич, он жил недалеко от блонского моста, то есть рядом с нами, и хорошо знал моих родителей. Я его попросила передать маме, что, вероятно, меня отправят в Германию. Он пообещал исполнить мою просьбу и куда-то удалился, а пьяный полицейский, охранявший меня, уснул. Я поднялась и легонько нажала коленом на ручку двери, она открылась. Я вышла во двор, там два подростка пилили дрова. Они на моих руках перерезали стропу, и я по другой дороге ушла домой.

На другой день неожиданно к нам пришли два немца с полицейскими и забрали меня. Я ещё была одета по-зимнему. С собой взять мне ничего не разрешили. Донёс на меня и дал фашистам наш адрес А. И. Алешкевич. Он же на мой пиджак проволокой приколол номер 355. Того же дня девять красноармейцев, меня и одну женщину посадили в «телятник» и отправили по направ-

лению Осиповичи – Бобруйск. Мы не знали, где едем, и куда нас везут, привезли в арбайтслагерь Татарка. До недавнего времени я полагала, что это в Минской области, а когда соцзащита лишила меня льгот как несовершеннолетней узницы, я занялась поиском доказательств. И только благодаря архивам в Германии узнала, что арбайтслагерь Татарка находился в Могилёвской области. В материалах наших служб Татарка не обнаружена. Мы, принуждавшиеся режимом Германии к рабскому труду, долгие годы на Родине считались предателями. Кому надо было фиксировать места нашего пребывания!

Нас, женщин, повели в барак, обнесённый проволокой, в нём раньше был детский садик. По ночам барак охраняли полицейские с собаками. Несмотря на то, что внутри были нары в два этажа, спать определили на полу, на старой соломе. Утром всех погнали в столовую, котелка, ложки, кружки и полотенца – ничего из этого у нас с собой не было. Те, из узников, что раньше позавтракали, дали нам свою посуду.

Мы строили склад. Некоторые женщины были с детками. На работу и обратно сопровождали немцы, они же поднимали нас утром и вели в столовую. Днём моя куртка часто намокала то от дождя, то от снега, сушить её было и некогда, и негде. Другого ничего у меня не было, ночью я укрывалась ей, но часто под мокрой курткой было холодней, чем без неё.

В один из дней наша бригада строила стену, немец приказал дяде Степану принести ломик. Он, сибиряк из Красноярского края, как и большинство пленных, не понимал немецкий язык и вместо лома принёс кирку. Немец со всей силы ударил его, от удара неслабый сибиряк упал на землю, и тогда все немцы по очереди начали бить его ногами, не давая встать. Месили сапогами по лицу, по рёбрам, по голове, он пытался прикрыться руками, но это слабо помогало. Очевидно, ему вскоре сломали руку, потому что он стал прикрываться только одной. Били спокойно, методично, а когда и другая рука дяди Стёпы упала и глаза осте-

кленели, отошли от него. Два фашиста принесли палатку, закинули на неё безжизненное тело и поволокли к яме, недалеко от барачков. Сбросив в яму, даже не потрудились засыпать песком. Тут же над ним с громким криком закружилось воронье.

Жаль, никто из нас не знал его точного адреса, чтобы сообщить родным о его мучительной гибели. Вечная память сибиряку Степану, погибшему на белорусской земле от сапог фашистских извергов!

Ива на десерт

Когда потеплело, нас, пленников арбайтслагеря Татарка, определили на разработку торфа, который немцы увозили в Германию. Там он шёл на подстил скоту, использовался как азотное удобрение на песчаных почвах, им же топили печи. У фашистов ничто советское, даже земля с огородов, а особенно украинский чернозём, не пропадало, всё становилось предметом добычи и вывоза в Германию. С Блонского погоста при церкви немцы вывезли даже старинные надгробные плиты и памятники из мрамора.

На болото нас возили на дрезине, которая называлась мотовозом. Торф ворочали, сушили и складывали в штабеля. За невыполненный план нас больно били плетью по пяткам, иногда на плеть привязывали гайки, камешки. Всё это делалось под крики: *«Руссиш швайн, русская скотина, свинья, сволочи, не хотите работать!»* Имён у нас не было, вместо них номера и оскорбления. Я должна была откликаться на номер 355. Домой с болота, уставших и обессиленных, фашисты гнали нас пешком. Мне было всего лишь шестнадцать лет.

Ни мыла, ни полотенца у меня не было. Один полицейский дал мне пустую бутылку, в которую я набирала в бараке воду, и это было спасением для меня. Вода в ямах, где добывали торф, была ржавой и вызывала расстройство кишечника. Лицо моё от

ветра и солнца, и, наверно, от отсутствия витаминов сделалось, как тёрка, а руки без перчаток кровоточили, были в незаживающих трещинах. Сухие брикеты торфа были страшно колючие. Мне пришлось разорвать сорочку на бинты. Брикеты мы переворачивали, после просушки складывали в штабеля и грузили в машину, иногда загружали их в вагоны.

Кормили очень плохо, давали на день пятьдесят граммов хлеба из гречки и два раза в день баланду: утром из кормовой свёклы, вечером из брюквы с листьями или из одних горьких листьев капусты. Немцы во всём любили порядок, если рабы, а мы были рабами, не выполняли установленный план выработки, нас лишали хлебного пайка. В воскресенье его давали с кипятком. Постоянно очень хотелось есть, вымыться в бане. У меня не было тонкого платка, на болоте, где добывали торф, без него заедали комары, да и на солнце находиться целый день было тяжело. И однажды женщины принесли мне из канавы брошенную немцами портянку, она была коричневая и вонючая, но деваться было некуда. Я долго стирала её с мыльнянкой, и она меня спасала, как и подстилка из свежей душистой травы, клонившая ко сну.

Однажды ранней весной нашу бригаду перевозили на другой участок на дрезине. У дороги оказался большой куст только что распутившейся ивы. Мы, как саранча, набросились на него и за считанные минуты обглодали с ветвей все серёжки вместе с жёсткими листьями, настолько велик был голод. На протяжении жизни часто, когда я сижу за обедом и мне не очень хочется есть, перед моими глазами всплывает тот обглоданный куст в Татарке. С каким удовольствием мы его обглодали! Это был ещё тот десерт!

Бургомистр Овсянник

Летом 1942 года закончился установленный мне срок работы в Татарке, ожидалась замена рабсилы, меня отпустили до-

мой. Тогда много молодёжи из разных деревень нашего района направляли на торфоразработки через биржу труда. Отправкой в Татарку на принудительные работы руководил бургомистр Блонской волости Овсянник. На второй день моего пребывания дома набирали новую партию людей. Пришли за моей сестрой Софией Линник, 1928 года рождения. Её не оказалось дома. Тогда, не долго думая, немцы во второй раз схватили меня. Дома я пробыла всего лишь сутки.

Моя мать, Любовь Васильевна Линник, с женщинами Блони, чьи дети тоже находились в Татарке сверх установленного срока, пошла к Овсяннику требовать, чтобы нас отпустили домой. Наших матерей Овсянник вытолкал из кабинета, затем пинками под зад столкнул с крыльца. После чего приказал полицейам на всех столбах Блони повесить афиши с текстом «*Злосныя зрыўшыкі працы*», то есть «*Злостные срывщики работы*», с перечислением матерей-просительниц: Устиньи Лукашик, Любви Линник, Елены Грихутик, Ольги Григорович, Марии Лукашик. Однако, всех, кроме меня, отпустили домой. Я вернулась в родной дом только 18 ноября 1942 года.

После войны мой отец, Михаил Игнатьевич Линник, был вызван в Брест свидетелем по обвинению бургомистра Овсянника в измене Родине. Суд состоялся в 1948 или 1949 году. Афиша с фамилиями моей матери и её односельчанок за подписью бургомистра Овсянника также фигурировала на суде. Его нашли в Германии, кажется, в Гамбурге, работал в ресторане. Даже перекрашенные волосы не спасли предателя, отец его узнал. На суде за неисчислимые злодеяния Овсянник получил по заслугам.

В тот день нас били дважды

До войны в местечке Пуховичи располагались части лётчиков-десантников – шефов нашей школы. На их территории мы сдавали нормативы ГТО, прыгали с парашютом, бегали в проти-

вогазах. С началом войны не только в казармах, но и в частных домах расселились немцы.

В ноябре 1942 года меня и Корень Валю, 1928 года рождения, отправили в Пуховичи колоть дрова на втором этаже одного из бывших домов десантников. Кто-то сложил там чурки из дуба и берёзы. Мы удивились, у нас дрова кололи во дворе, но задавать вопросы не полагалось. Как и возражать, почему нас, девочек шестнадцати и четырнадцати лет, мелких и хрупких, поставили на мужскую работу.

Некоторые чурки были толстые и сучковатые. Сначала мы покололи наиболее тонкие из них, дрова тут же складывали в штабеля. Потом приступили к более сложной работе. Одна из нас ставила колун на чурку, другая по нему ударяла поленом. Дрова кололи в одном месте. Сучковатые чурки поддавались с трудом. После обеда дело подходило к концу, но от сильных ударов колуна в потолке старого дома, в конце концов, образовалась дыра, и мы слышали грохот падающей штукатурки, потом ещё более сильный грохот чурки, а вслед крики и немецкую брань. Заглянули в дыру, там метались голые мужские тела с криками «*Партизанен! Партизанен!*»

Вскоре на нашем этаже появились офицер и солдат, налетели на нас и стали бить по голове и по лицу, крича и ругаясь русским матом. Мы понимали немецкий язык и просили извинить нас за то, что не были осведомлены о том, что на первом этаже баня, и там мылись немцы. Объясняли, что колоть дрова нам приказал немец Рудольф. Оказывается, мы готовили дрова для бани. Естественно, фашисты в бане слышали стук наверху, но им было или не до него, или не хотелось одеваться и выяснять его причину. Наше счастье, что никому из немцев не досталось ни чуркой, ни штукатуркой.

В тот же день нас заставили складывать дранку. К вечеру наша работа опять не понравилась, и нас снова били, на сей раз дранкой. Тыкали в нос, били по голове, по лицу, разбили в кровь губы, руки, которыми мы заслоняли лица. Хорошо, что глаза уце-

лели. Кричали: *«Лодыри! Русские собаки! Не хотите работать!»* За что били, ни мы, ни они сами не знали. Думается, виной тому было их плохое настроение. В то время Красная Армия изрядно потрепала немецкие войска под Сталинградом.

Костёр для детей

Этот декабрьский день 1942 года я не забуду никогда. Возле блонской комендатуры староста с переводчиком немцем назначал людей на работы. Нас, пять человек по разнарядке: старше меня Галину Цеханович, Нину Воскобович, Ольгу Ревтович, меня и младшую Валю Корень, под охраной немца Пауля отвезли на грузовой машине в карьер возле Поповой Горки.

Мы спустились в карьер, Пауль подал нам по лопате и сказал: *«Какой красивый песок, жёлто-оранжевый»*. На вопрос, зачем этот песок, ответил: *«Рассыплют возле солдатской казармы, будет красиво»*. Мы насыпали песок, иногда отдыхали, разговаривали. Казалось, Пауль нас не замечал. Он то ходил наверху по краю карьера, то грелся у костра с водителем, то играл на губной гармошке. Мы радовались, как хорошо складывается день и какой человеческий попал немец.

После обеда мы продолжали сыпать песок в кузов машин, которые периодически подъезжали к карьере. И вдруг к нам подошли эсесовцы: двое с собакой, третий тянул за верёвку избитого до неузнаваемости мужчину. Его руки были крепко связаны проволокой, а на теле поверх пиджака висела цепь, к которой привязали верёвку. Недалеко от карьера прямо на наших глазах его расстреляли. И тут же овчарки стали драть его грудь и живот. Я отвернулась, чтобы не видеть. Мне было шестнадцать лет. Но двадцати семилетняя Ольга Ревтович видела, как немец достал из его груди печень, разрезал пополам и кинул собакам.

Потом другой эсесовец, тот, что тащил за верёвку убитого, подошёл к карьере и приказал нам подняться наверх. Мы

выбрались из ямы и стали в ряд вдоль карьера, Пауль показал на меня: *«Шатенка говорит по-немецки»*. *«Ты почему такая грустная? Жалко убитого?»* – спросил эсэсовец. Я слукавила: *«Сегодня погода ветреная, у меня болят руки и ноги. Я ночью плохо спала»*. *«А я думал, тебе жалко эту русскую собаку...»* – сказал эсэсовец. *«Нет, нет, всех жалеть, так сердца не хватит»*. – *«Хватит, хватит. У вас, русских, сердце каменное, а вместо крови лимонад. Если тебе его не жалко, спой песню. А немецкую ты знаешь?»* До войны у нас был патефон, я в книжном магазине купила пластинку немецкой певицы Марлен Дитрих, уехавшей в Америку. От моей мамы, запевалы в церковном хоре, я унаследовала высокий чистый голос и спела песню Дитрих про любовь. Фашисту понравилось, потребовал спеть ещё. Я знала много немецких песен и с пластинки, и от учительницы немецкого языка Ольги Ивановны Буцкевич. Я тысячу раз благодарила её, когда знание немецкого языка спасало меня от пули. Но я не хотела петь для этого мерзавца и сказала, что больше немецких песен не знаю.

Эсэсовец показал на убитого: *«Вшивый бандит, партизан, сволочь! Мы будем вас убивать, жечь, вешать всех до единого! Я покажу вам фото, я его сделал в Орше. Орша, Орша... Это было в деревне под Оршей. Мы ехали в сторону Витебска и остановились в той деревне. Нас уверили, что всех мужчин из деревни забрали на фронт, а ночью появились партизаны. Нас убивали и убивали, я еле убежал! Днём мы вызвали подкрепление и вывели на площадь этих русских сук с их ублюдками. Подростков и стариков мы сразу всех застрелили. А глупых грязных русских сук выстроили по одну сторону площади, а напротив поставили их щенят. Посередине разожгли огромный костёр, в него налили солярки и бросали в бушующий огонь гадёнышей. Какое было зрелище! Какой был костёр! Ах, как хорошо трещали жирные ублюдки! А их суки-матери рвали на себе волосы, пытаясь броситься в костёр вместе со своим отродьем»*.

Он говорил и говорил... А я слушала его и завидовала девушкам, они не понимали немецкую речь. Фашист продолжал: *«Я скоро поеду в Германию и покажу, как я защищал честь немецкого народа, а этих диких, глупых, грязных свиней уничтожал. Вот смотрите!»* Он веером держал фотографии той расправы: *«Мы уничтожим всех, всех, а вас, молодых, отправим в Германию работать на нас! Этим убогим глупым свиньям было жалко своих гадёнышей, а моей матери было не жалко, когда моего брата убили под Ельней, а шурина в Киеве. Нет, будем всех уничтожать, всех жечь, жечь, жечь!»* Он уже не говорил, а кричал в ярости, всё более и более распаляясь от собственного красноречия и, как ему казалось, от собственной значимости.

Не знаю, чем бы закончилась дикая ярость эсэсовца, если бы не подъехала машина с запиской Паулю. Нас посадили в машину и повезли на погрузку дров на другой объект.

Итальянцы в Белоруссии

В конце марта или начале апреля 1943 года на белорусской земле появились итальянцы. К нам их привезли из города Шепетовка Хмельницкой области. Итальянцев было много. Со станции Пуховичи их расселили по всем примыкавшим к ней населённым пунктам. К нам в дом в нашу большую семью попали четверо. Привели их полицаи со старостой деревни. В семью нашей тётки Цеханович Анастасии Васильевны, состоявшей из трёх человек, привели двенадцать итальянцев. Она жила с нами через забор. Старшая дочь тётки Насти Надя, уехавшая в Оренбург, была призвана на фронт в первые дни войны. Служила в секретной части до самой победы. Другим блонским девушкам не повезло, все четырнадцать погибли на фронте.

Итальянские войска в СССР послал Бенито Муссолини в помощь Адольфу Гитлеру. Но итальянцы отказались воевать против Советского Союза. Кажется, под Сталинградом в ноябре 1942

года сложили оружие и сдались на милость союзникам. С какого участка фронта немцы пригнали итальянцев в Шепетовку, теперь я уже не помню. Гитлер обязан был отправить их на родину, но у фашистов были другие установки: по приказу фюрера итальянские штрафники подлежали уничтожению.

Со слов итальянцев, их битком набили в «телятники», в Белоруссию везли долго, без света, воздуха и бани. Через день открывали двери и кормили, но очень плохо. В дороге все обовшивели.

Итальянцы нашей четвёрки сразу же, как попали к нам, разожгли костёр и начали ножичками выскабливать из швов одежды «партизан», как они говорили. Мама поставила железную бочку и, вскипятив воду с зольным щёлоком, бросила туда для дезинфекции итальянское нижнее бельё, а затем точно так же поступила и с мундирами. Даже у немцев не было такого красивого обмундирования. Рубашки светло-зелёного с голубым цветом, из хорошего качества шерсти, брюки и даже носки серого цвета были также из хорошей шерсти. Поверх рубашек итальянцы носили белые безрукавки из овчин овец-мериносов.

После бани итальянцы начали с нами знакомиться. Были они все четверо красивы: высокие, кареглазые, с вьющимися волосами и правильными чертами лица. Офицера звали Антонио, он довольно хорошо говорил по-русски, солдаты – Джованни, Михель и Марк. Нашу маму Любовь постояльцы сразу же стали называть сеньора Джулия. Себе имена мы придумали сами: я – Адриана, Соня – Жанетта, Маруся – Мари, Иринка – Ирма. Нюся осталась при своём полном имени Анна. Нам казалось, что все имена итальянские и очень красивые. Рано повзрослевшие, мы всё равно оставались детьми.

На ночь солдатам мы постелили на полу свежую солому, а офицеру уступили одну из двух оставшихся кроватей. Сами полезли на печь. Свои винтовки итальянцы поставили в угол, вместе с ухватами и кочергой. Почему-то нам казалось, что они не

заряжены. Однажды, когда мы все находились дома, на улице раздался страшный грохот и какой-то странный шум. Итальянцы вскочили, кинулись в угол к винтовкам. Мама рассмеялась: *«Да это же ледоход начался. Не бойтесь!»* После её слов смеялись все.

По утрам итальянцы долго молились перед сложенными в гармошку бумажными иконками, которые хранили всегда при себе в нагрудном кармане. Их было много, итальянцы были очень набожными. Они знали, что были обречены. Здоровые, красивые, молодые вымаливали у Мадонны жизнь. Все, с красивыми голосами, пели свои молитвы. Мы тоже знали, что их немцы убьют, безумно жалели и делали всё, чтобы как-то скрасить их последние дни на этой земле.

В обед итальянцы ходили к нашему храму и там, на большой аллее, пели со своим священником молитвы. И вечером то же самое: молились, получали свой ужин и шли домой. Едой всегда пытались поделиться с нами, хотя им мало её давали. Наша мать сама подкармливала итальянцев. Делилась тем, что имели: немного картошин, зато вдоволь квашеной капусты. Её мы сажали много. Мамину капусту итальянцы любили, готовила она её по особому рецепту, в собственном соку с приправами. Вниз бочек клала небольшие кочаны. Они долго доходили, зато потом по весне были необычайно вкусны.

А после ужина итальянцы пели с нами русские песни. Восхищались голосом нашей матери, она пела молитвы, учила их романсам и русским народным песням. Они нас обучали итальянскому языку, а мы их русскому. К концу пребывания в Белоруссии «ненадёжных союзников Гитлера» я уже владела разговорным запасом итальянских слов. Они тоже неплохо освоили русский язык. Соня, работавшая с итальянцами, знала итальянский язык ещё лучше меня. Сегодня от не востребовавшего в жизни языка в моей памяти осталось лишь несколько десятков слов. Сначала парни над нашим итальянским смеялись, считая, что они

быстрее и лучше овладели русским. В доказательство пели нам песни, выученные в Шепетовке, от которых мы покатывались от смеха. Те песни представляли собой смесь коверканных русского, немецкого, польского или украинского языков. Например, вот эта:

*Война прима, война гут,
Матка дома, пан капут.
Нима куры, нима яйка,
Нима шпилен балалайка.
Е корова, нима млеко,
Четыре малых человека,
Пан на фронте,
Так не добже,
Так не карошо.*

Мы смеялись, а мама сердилась за такой язык песен. Но вскоре итальянцы уже пели с нами «Катюшу», «Марш» Дунаевского, «Любимый город». Сестра Соня сделала из бумаги карты, и мы при свете тряпичного фитилька, опущенного в плошку с соляжкой, резались с постояльцами в дурака, Акулину, свинью, воз и другие картёжные игры. Мама ругалась, гнала спать. Солярка страшно чадила, по утрам все просыпались с чёрными ноздрями. Платки, накинутые на лица, мало спасали.

Итальянцы любили и жалели детей. Марк учил четырёхлетнюю голосистую Иринку петь по-итальянски, её же научил итальянскому счёту: «Уно, дуо, трэ, кватра, чинка, сзе, сэтта, отто, ное, дэчи». Михель с Нюсей и её подружками играл в прятки, камешки. По вечерам мы часто устраивали танцы. Играл на губной гармошке Джованни. Офицер Антонио, который жил у Сорочинских, друг нашего Антонио, влюбился в меня, сидел и глаз с меня не сводил. Проклинал войну в отчаянии и очень сожалел, что жизнь его скоро будет оборвана.

Шестнадцатилетнюю Соню фашисты возили на работу вместе с молодыми итальянцами, но не нашими. В одного из них

Соня влюбилась, о своих чувствах молчала, но очень страдала. Ей, полуголодной, и еда не шла. Бедная девочка! Её первая любовь была лишена даже мечты...

Однажды машину с итальянцами, Соней и Раей Крез почему-то задержали на объекте допоздна, было уже темно. По дороге в Блонь машина с людьми повернула совсем в противоположную сторону от деревни. Итальянцы всё поняли. Когда машина на плохой дороге очень сильно сбавила ход, взяв за руки, парни опустили девушек за борт машины, на землю, и приказали не вставать, а лечь в кювет и отползти от дороги подальше. Соня и Рая домой вернулись в три часа ночи. Утром, как всегда, пришли на разнарядку. Староста, распределявший на работы, ничего не сказал, очевидно, не знал о планах фашистов. Итальянцев с машины больше никто и никогда не видел.

А некоторое время спустя всем итальянцам, живущим в Блони и окрест, объявили отъезд. Прощаясь с нами, наши постоянцы не могли сдержать слёз. Плакали и мы. Офицер Антонио, влюблённый в меня, принёс фляжку рома, нам, девочкам, налил по одной ложке, поцеловал всех и тоже заплакал. Принёс мне в подарок форменную рубашку, чтобы сшила себе что-нибудь на память. Наши итальянцы оставили красивый белый кожаный, отрезной по талии и в сборочку, что-то ещё.

Позже мы узнали, что итальянцев вывезли и, расстреляв всех, свалили в одну большую яму. В 1944 году немцы, чувствуя крах войны, чтобы замести зверский след и избежать возмездия, соляркой залили яму, где лежали убитые итальянцы, и подожгли. Но после победы советское посольство затребовало просеять золу. По пуговицам сосчитали число загубленных Гитлером итальянских сыновей. Светлая память им!

У меня были адреса обоих офицеров Антонио. При отступлении немцев от пожара сгорели бумаги, что лежали в доме вместе с адресами итальянцев. Я не смогла написать их родным, и всю жизнь меня это мучает... Но память до сих пор хранит их краси-

вые юные лица и такие насыщенные жизнью последние месяцы на этой земле.

Воруют не только люди

Это было в мае 1943 года. Я приготовила зольный щёлок и отправилась на речку стирать бельё. Был тёплый полдень. Поодаль от меня сидел немецкий рыбак с удочкой. Я устроилась на камнях и не заметила, когда ко мне подошёл другой немец. Он пнул ногой ведро со щёлоком и приказал постирать ему две пары носков и большой носовой платок. Я сказала, что у меня нет мыла, немец достал из кармана кусок, слегка намылил вещи. Отошёл поодаль. На берегу расстелил клеёнку, на неё сложил свою одежду, книгу, фотоаппарат. Снял с себя цепочку, часы.

Купался недолго, больше ходил по берегу, собирал какой-то гербарий. Когда подошёл к своим вещам, набросился на меня: *«Во ист майн ринг? (Где моё кольцо?) Ду ист воровка!»* Бил меня по лицу, дёргал за волосы, ругался, разбил в кровь губы, нос, пинал ногами и кричал: *«Воровка! Сука! Дрянь! Русская свинья!»* На все мои объяснения не реагировал. Подошёл наблюдавший за всем немец-рыбак и предложил привести овчарку, она найдёт пропавшее кольцо.

На тот момент рядом с нами появилась сорока, она подлетела к вещам немца, схватила цепочку с медальоном и поднялась вверх. Немец закричал: *«Фогель! Фогель! (Птица! Птица!)»* Но воровка никак не отреагировала. Рыбак схватил бинокль и наблюдал за сорокой. Та, перелетев через речку, села на дерево в своё гнездо. Рыбак предложил мне залезть на дерево, наверняка, и кольцо там. Я переплыла Титовку, ещё не успевшую разлиться, залезла на дерево. Под команду смотревшего в бинокль немца нашла гнездо. В нём лежали стёклышки, цветные камешки, ещё какой-то мусор, а сверху цепочка и кольцо. Кармана у меня не было. По совету рыбака цепочку надела одной рукой на себя,

другой держалась за дерево, кольцо положила за щеку. Было страшно противно, но только с одной свободной рукой я рисковала сорваться с дерева. Фашист, получив свои ценности, снова разошёлся: *«Что за страна!? Здесь воруют не только люди, но и птицы. Проклятый народ, грязные свиньи! Сволочи вшивые! Всех вас сожжём!»* И он снова набросился на меня.

Когда он исчез, ко мне, горько плачущей от боли и обиды, подошёл рыбак и протянул мыло и пачку галет: *«Не плачь, у всякого народа есть сволочи»*. Я оттолкнула его подарки: *«А кто вас звал на нашу землю? Пришли сюда воровать, а нас называете ворами! Забрали наши хлеб, мясо, молоко, а нас сделали рабами»*. *«Я ничего не взял русского, кроме этих рыбёшек. Я из старинного русского рода, когда-то мы жили в Польше. Потом получили приказ Гитлера за двадцать четыре часа покинуть Польшу. Переехали в Гамбург. Мой отец погиб в Киеве, брат в Одессе. Я сюда прихожу отвлечься, забыть о горе. Не сердись, среди немцев есть много хороших людей, им тоже не нужна война. Ты – гордая девушка, мне тебе нечего подарить, кроме этого мыла. Возьми»*, – он протянул мне мыло и галеты. Я ответила: *«Я привыкла всю войну обходиться без мыла, но возьму, чтобы не обидеть Вас, а галеты покрошите рыбкам»*.

Дома я сказала маме, что поскользнулась на камнях. Она посмотрела на меня внимательно, но расспрашивать не стала. А любимой младшей сестре Марусе я рассказала правду. Обняв меня за шею, сестричка горько плакала. Я утешала: *«Не плачь, Маруська. Скоро война кончится, отольются фашистам наши слёзы»*.

Бусы подвели

Летом 1943 года немецкое командование отдало приказ местному населению собирать лечебные травы. Комендант дал список трав, подлежащих сдаче в сухом виде в аптеку Марьиной Горки, которая обслуживала немцев. Здесь устроили приёмный пункт. Норма была такова: по одному мешку листьев осины, ли-

стве берёзы, корней аира, травы чабреца, цветков василька, листьев мяты, листьев подорожника. Как только трава высохла, а мы в нарушение технологии сушили её на лежанке русской печки, тут же несли сдавать её в аптеку. Для себя сушили на чердаке, где травы висели в пучках и проветривались, ими и лечились, ни лекарств, ни аптеки для «*руссиш швайн*» не было. За сданные травы получили вознаграждение: шесть деревянных пуговиц, покрашенных в чёрный цвет, одну парафиновую свечку к фонарю и дешёвенькие бусы. Нас, девочек, в семье было пятеро, я – самая старшая. Дома решили, что будем носить украшение по очереди.

Первая бусы нацепила на себя я. На ту беду поломалась машина, на которой мы возвращались с работы домой. Время было за восемь часов вечера, а согласно указу в это время летом полагалось находиться дома (зимой обязывали сидеть дома после восемнадцати часов). Я уже шла по направлению с главного шоссе в свою Широкую улицу, как вдруг услышала возле уха выстрел. Ускорила шаг, но поняла, что патруль меня догоняет. Тогда я упала на четвереньки и поползла в чужой огород, оттуда через соседний вышла в свой. Но тут на моё удивление меня уже встречал патруль: «*Kette! Kette! (Бусы! Бусы!)*» А я и не подумала, что мои бусы, светящиеся фосфором в темноте, были приманкой для патруля. Хорошо, что я знала немецкий, сколько раз знание чужого языка спасало меня от пули. Я рассказала немцу, за что получила бусы и почему оказалась на улице в неурочное время. Он забрал у меня бусы и положил в свой карман.

Я часто встречала его в охране в местечке Пуховичи. А осенью мы шкурили за Пуховичами лес. Там, в лесу было много калины. Охранял нас всё тот же немец. Скучающий охранник нарвал калины, нацеплял её на нитку и надел мне бусы на шею. Я поблагодарила за шутку. Все четыре года оккупации нас на каждом шагу поджидала пуля, и даже дешёвое украшение могло стоить жизни.

Босые стражи порядка

В последнее время немцы боялись в лесу шороха мыши, в саду прыжка лягушки. Теперь им везде чудились партизаны, и они придумали новый вид охраны – ночное дежурство местных жителей. В Блони дежурство назначили с первого дома нашей улицы Широкой, дежурили по два человека.

Подошла очередь и нашему дому под номером одиннадцать. Утром староста Алексей Федоринчик, по прозвищу Курица, предупредил, чтобы вечером я, семнадцатилетняя девушка, вместе с Анютой Важник в девятнадцать часов приняла охрану. Немцы во всём любили порядок и дисциплину. Нам выдали белые повязки и синие жилеты, на которых белой краской было написано «*Орднер*», то есть «*Дежурный*». В руки получили по берёзовой оструганной палке длиной 1 м 20 см. Расписались в журнале коменданта и пошли нести службу. В случае пожара в деревне мы должны были стучать палками по рельсам, которые были укреплены у колхозной конторы. А при появлении чужих людей бежать в комендатуру с криками «*Партизаны!*» и стучать в окно или дубинкой в двери комендатуры.

Летом после двадцати часов жителям находиться на улице было запрещено. Мы с подружкой мирно прогуливались в одиночестве, наслаждаясь летним воздухом и коротая время разговорами. В девять часов вечера увидели мотоциклистов, въезжавших в нашу деревню. Они рванулись к нам с криками: «*Партизанен! Партизанен!*» По инструкции эти слова кричать полагалось нам. Дубинки нам тоже негодились, мы и моргнуть не успели, как немцы соскочили с мотоциклов, окружили нас, схватили, кто-то стрелял в воздух, кто-то махал пистолетом у нас под носом. Мы с Анютой хорошо говорили по-немецки, просили достать из наших карманов «*аусвайс*» – паспорт. Однако нас не слушали, потащили в комендатуру. Включили прожекторы, подняли шум. В конце концов, разобрались, что на нас не парти-

занская униформа, а немецкие жилетки, и мы не партизаны и не бандиты, а хоть и босая, но охрана. Немцы ещё поговорили между собой, потом принесли две каски, одели нам на головы и, смеясь, фотографировали босых, но в касках, блюстителей порядка. Насмеявшись вдоволь над русскими дикарками, довольные своим чувством юмора и исключительностью, уехали. А мы, не зная, что делать с касками, положили их на стол коменданту и пошли дальше нести охрану. Босиком.

Минёры

Через речку Титовку, отделявшую нашу Блонь от деревни Заречной, был сооружён мост, имевший стратегическое значение, с надписью «Грузоподъёмность 90 тонн». С приходом фашистов через мост из военного городка и обратно двигались немецкие танки, машины, мотоциклы. Каждое утро по нему доставляли военнопленных в комендатуру, а оттуда, согласно разнарядке, снова везли через мост на работы.

В 1943 году немцы упустили Сталинград, проиграли сражение на Курской дуге, их надежды на скорую победу рухнули. Гитлер объявил тотальную мобилизацию. Весной в Марьиной Горке появились совсем безусые немецкие солдаты. Летом их под звуки марша дрессировали, учили тактике нападения. Росло партизанское движение, чтобы как-то приостановить его, Гитлер приказал вырубать уцелевшие сады и парки, жечь все деревни, примыкавшие к лесам. С этой целью вермахт направлял к нам карательные отряды литовцев, румын и мадьяр.

Боясь заложенных мин на блонском мосту, комендант приказал девушкам от девяти до двенадцати человек каждое утро с семи часов до восьми бегать по мосту. Один немец играл на губной гармошке, «губнушке», как называли мы, на одном конце моста, другой наигрывал на другом конце. А мы, девушки, бегали и бегали... От одного конца моста к другому... От одного фрица к

другому... И снова: от одного к другому, от одного к другому... И так целый час. Когда у моста стояли молодые немцы, было легче, нам разрешали танцевать. Мы исполняли и фокстрот, и плясовую, и танго, и польку, а немцы смеялись и говорили: «Гут, гут... Ви ест минёры».

Листовки

С нашей улицы Широкой начиналась деревня Блонь. Она и в самом деле была широкой, хотя домов на ней было немного. По всем домам расселили немецких солдат, и за два года войны мы запомнили их всех и в лицо, и по имени. Не один раз за день они сидели на скамейках в цветниках, перекликались и «шпрэхали» друг с другом, да и от хозяев домов мы знали их имена.

В тот летний день 1943 года немец Ханс взял сачок, охапку дров, сковородку и отправился на Титовку ловить лягушек и миног. К тому, что немцы едят лягушек, мы уже привыкли. Наш дом имел около десяти соток обсадки фруктовыми деревьями. Обсадка переходила в ольшаник, здесь же росли две липы, три больших ели, вяз, тополя и вербы, за ними болото, дальше река. Наша мать отправила меня и Соню вымыть ушат, собираясь сделать на зиму, как она, большая юмористка, шутила, засолку овощного «силоса». Листья капусты, брюквы, свёклы и репы солила в ушате, зимой будет витаминный салат, утешала себя мама, в семье, ни много ни мало, было семеро едоков.

Мы с сестрой принесли ушат на речку, поставили его на длинный сосновый брус. С одного конца в бресе была просверлена дырка, через которую был воткнут кол в речное дно. Брус свободно двигался во время отлива воды, а кол не давал ему уплыть. Мы тряпкой с песком мыли ушат, возле нас собралось человек шесть девушек, были и постарше нас. Тут же поблизости Ханс, пришедший на речку раньше нас, в пижаме и носках (боялся пиявок) ловил миног и лягушек. Каждый был занят своим делом.

Рыбалка (или охота?) Макса была удачной, он был рад своему улову. Но, как всякий рыбак или охотник, должен был с кем-то поделиться удачей. Подошёл к нам, показал улов и сел на большой зелёный камень. Обычно на нём грелись перекупавшиеся пловцы. Раздобревший Макс захотел блеснуть знанием русского языка и запел:

Ихь тебя ждала, варум ты не пришёл?

Ихь пошла нах хаус. С неба вассер шёл.

Мы смеялись над стишком, а довольный, разомлевший на солнце немец приговаривал: «*Гут, гут (Хорошо, хорошо)*». Принялся из принесённой охапки дров готовить костёр, чтобы на природе поджарить добычу. И тут от нашего дома к реке полосой полетели самолёты. Немецкие бомбовозы, словно тучей, закрыли полнеба. Они шли тяжело и очень низко. Так низко, что нам с реки казалось, сейчас бомбовозы крыльями зацепят крышу нашего дома и верхушки деревьев. Мы молча считали их, дошли до девяноста. На душе стало тяжело и тревожно. А Макс, довольный, посылал самолётам воздушные поцелуи и кричал: «*Гут! Гут! Нах Бобруйск! (Хорошо! Хорошо! На Бобруйск!)*»

Исчезли самолёты, потом затих их гул. Макс успел почистить миног, достал из травы сачок с лягушками, развязал его и, придерживая рукой, чтобы не выпрыгнули, собрался выпотрошить их по одной, как новый звук привлёк внимание всех. Высоко в небе за рекой зазвенел самолёт – летел наш «ястребок». Его ещё не было видно, но мы по гулу знали, где он. Какая это была радость! Нас не забыли, мы не брошены на растерзание фашистам! Вскоре в небе показался самолёт, он летел в нашу сторону, поравнялся с Заречьем по ту сторону Титовки, и тут мы увидели, как из него что-то сыпется. Макс, как стоял с сачком, так и прыгнул с ним в воду, а нам скомандовал лечь в траву. Он то уходил с головой под воду, то выныривал. Его искажённая страхом голова то появлялась на водной глади, то исчезала, а вокруг неё плавали и прыгали с листа на лист, выбравшиеся из сачка, лягушки.

Ничего подобного мы в жизни не видели, лежали в траве и умирали от смеха.

Через несколько минут из самолёта и на наш берег тоже что-то посыпалось. Это были листовки, но не обычные. Текст на них был выжжен на досочках размером сантиметров десять на шесть-восемь. Листовки падали и в реку, и на берег, и на болото, и в ольшаник. Но в Титовке не тонули, а, уносимые течением, плыли дальше. Затем «ястребок» подлетел ближе к костру и выкинул какой-то большой предмет. Вынырнувшая из воды голова издала вопль на весь берег: *«Бомба! Бомба!»* А мы смеялись, зачем это советскому самолёту бросать бомбу в болото!?

Когда самолёт улетел, а «бомба» не разорвалась, Макс дал оказавшейся на берегу женщине, Апполинару Цеханович, большой нож и приказал разрезать мешок. Он весил килограммов шесть-восемь и был туго набит газетами, помнится, то были «Известия». Сын Апполинару, по имени Король, по приказу Макса бросал газеты в костёр. Сгорели все до единой, как же нам было их жалко! Мы тут же пошли домой, в ушате под тряпкой несли две листовки порадовать нашу мать и тёток. Дома прочли текст: *«Да здравствует Красная Армия! Победа за нами! Партия и советский народ победят, враг отступает!»*

А на другой день по всей Блони и Заречью люди говорили: *«Вчера летело столько русских самолётов! Наверно, штук двести. И все бросали листовки. Скоро, скоро Гитлер захлебнётся. Никогда враг не будет долго на русской земле!»* А в траве на берегу Титовки и в ольшанике ещё нет-нет да и находили деревянные листовки.

«Я хорошо умею убивать русских»

Был летний день. Немцы выехали на воскресенье в Марьину Горку, там намечалось большое мероприятие. В Блони остались комендант, переводчик и несколько человек из полицейской ох-

раны совхоза «Индустрия». Мы по воскресеньям не работали, немцы всех заставляли ходить в церковь, молиться богу. Вечером комендант разрешил устроить танцы на мосту. Я возвращалась от тётушки Зоси, которой помогала стирать бельё. Не боялась, знала, немцев в деревне нет. И вдруг со стороны моста меня догнал пьяный немец, я никогда его раньше не видела. Прибавила шагу, он тоже, грубо схватил меня за руку и полез целоваться. Я оттолкнула его, тогда немец достал из кармана часы, предлагая их мне в качестве оплаты за любовь. Не зная, как выкрутиться, я солгала, что у меня уже есть немецкий кавалер, майор такой-то. Пьяного немца это не остановило: *«А мне всё равно, кто у тебя есть. Я умею хорошо убивать русских. Ты хочешь умереть?»*

Я не знала, что делать. По дороге заскочила в дом моей подруги, у них на квартире стоял немец Гуго. Я надеялась, что он дома, и его присутствие мне поможет. В доме оказалось много людей, к хозяйке приехала сестра, за столом сидел в офицерской форме Гуго. Но «завоевателя мира» это не остановило, он схватил меня своими ручищами и при всех начал целовать. Я оттолкнула его, он полетел на шкаф. Шкаф закачался. Пока немец поднимался, я выскочила. Он, недолго думая, подошёл к хозяйке, которая доставала что-то из печки, ударом кулака в челюсть сбил её с ног. Гуго выпроводил немца на улицу. Там, на скамейке, тот увидел девочку подростка, открыл стрельбу по ней. В сумерках промазал, девочке удалось спастись. Я огородами прибежала домой, тут же с танцев появилась сестра Соня: *«Вера, скорей, там немец бежит за мной!»* Я успела открыть окно, выскочила, следом за мной сиганула Соня, но по дороге уронила семилинейную лампу. Лампа разбилась, запахло керосином. Мы не знали, что в спальне лежал на кровати наш отец, было темно. Немец бросился к нему, выбил зуб пистолетом. Стрелял в потолок, палил по стенам, кричал: *«Где тут эти русские сволочи?»* Отец по-немецки спокойно ответил, что все давно ушли на танцы.

Кто и откуда был тот изверг, мы так и не узнали. Но матери моей подруги пришлось идти к немецкому доктору в Марьину Горку и просить, чтобы поставил на место выбитую челюсть.

Клеёнка

Это было осенью 1943 года. Я и мои подруги возвращались с лесоповала за местечком Пуховичи, что находилось в полутора километрах от нашей деревни Блонь. Мы по двенадцать человек на стяжках выносили строевой лес, который отправляли в Германию в город Гамбург. Говорили, что для кораблестроения. Уставали ужасно.

В тот вечер часов в шесть, едва успели сойти с машин, как к нам подошёл немецкий офицер и приказал сбегать домой за ужином и прихватить с собой куртки пошире. Нас ставили на ночную разгрузку вагона. Я прибежала домой, схватила кусок кормовой свёклы, что остался от обеда, и тут же в сенцах его съела. Никаких других продуктов в доме не было. Нас четверых: Галю Цеханович, Катю Фурс, Регину Ревтович и меня, от комендатуры, куда мы примчались, доставили в машине на станцию Пуховичи. От немца получили задание – к утру разгрузить вагон с клеёнкой. И ещё он заявил, если мы выгрузим клеёнку в срок, то получим по хорошему подарку, а если нет, то будем работать целый день голодные. Немец ушёл в дежурку рядом и со стороны наблюдал за нашей работой.

Клеёнки были тяжёлые, в связках по десять штук. И несмотря на то, что очень устали в лесу, мы торопились, нам не хотелось без еды работать ещё и день. Про подарки и не думали. Какого можно ждать подарка от фашиста? Мог «обогреть» плетью, в кровь разбить лицо, обругать – за войну нагляделись на «милость» немцев. К шести утра мы выгрузили всё в грузовые машины, подмели вагон и около вагона. Подошедший офицер дал нам по одной клеёнке с машины и рассказал, что дома клеёнки

надо поварить на огне в кипятке с бензином, а потом выложить в корыто и стереть резину. Получится хорошая ткань для платьев. Про подарки приказал никому не болтать и хорошо их спрятать, ибо нам будет расстрел за кражу, а с него снимут офицерское звание. Около семи часов утра немец отвёз нас домой, а сам поехал к комендатуре.

Моя клеёнка была на чёрной шерстяной основе. Двум девочкам попали клеёнки защитного цвета, одной бежевого. Мы с удивлением разгружали и хлопчатобумажные, и штапельные клеёнки, с основой разных расцветок. В 1939 году Гитлер захватил девять государств, создав стратегический плацдарм в Европе. Всё работало на Германию. На каждого немецкого солдата был приготовлен перевязочный материал. Каждого немца обеспечили не одной парой дорогого шёлкового нижнего белья, чтобы не заводились насекомые. Их лапки скользили на шёлке. Все немцы щёлкали фотоаппаратами. Что уж говорить о клеёнке! А что имели русские солдаты?

Дома мама варила суп из листьев кормовой свёклы и брюквы. Это пойло – несолёное, вонючее и чёрное на вид, мы съели без оглядки. В городах и того не было. После нехитрого завтрака мать взялась кипятить клеёнку. Немец сам не знал норму бензина, мама влила его на глазок. А когда дрова разгорелись, очевидно, бензин, плавающий наверху, вспыхнул. Сразу же загорелась сажа на своде русской печи. Пламя вырвалось наружу. На маме вспыхнул байковый пушистый костюм. В трубе гудело, на полу метались языки огня. Младшая сестра, не испуганная в пожаротушении, открыла в сени дверь и плеснула воды на огонь. Пламя взвилось ещё выше, горящий бензин разметался по полу. Мы бегали по нему босиком, хлопали тряпками, тушили языки огня, обжигая руки и ноги. Дорого нам обошёлся подарок немца – чуть хату свою не спалили! Мать проткнула чем-то руку, сильно обожгла её. Потом началось заражение крови, едва без руки не осталась.

Когда последствия пожара были ликвидированы, я, невольная виновница этой драмы, взялась тереть клеёнку, быстро скатала с неё резину. Получился отрез шерсти чёрного цвета. Завернули его в непромокаемую ткань и спрятали в старой скворешне. И вовремя. Со станции кто-то угнал неразгруженный вагон с клеёнкой, очевидно, партизаны. Начались обыски по всем деревням.

Вскоре Макс, с которым я познакомилась в начале войны, сбежит с похорон полицаев (он шёл за мной следом) и принесёт нам большую ширму. Её створки были обтянуты белой клеёнкой. Мама её обработает, покрасит в разные цвета и сошьёт нам, старшим, по платью: мне – чёрное, чтобы не привлекала немцев, Соне и Марусе – красное и розовое.

Макс много нам помогал, приносил еду, лекарства, благодаря ему Нюся начала ходить. Неравнодушный ко мне, учил не лезть на рожон. Я, гордая патриотка, его игнорировала. Макс, занимавший какую-то гражданскую должность при немцах, жил в Заречье у Марыли Книги, её родственница – частая гостья у Марыли – была переводчицей в немецком штабе. Он имел пропуск и доступ почти везде. После войны меня искал, я уже была в Сибири. Тогда и узнали, что Максим в годы войны руководил подпольным партийным центром.

Наша чёрная ткань пролежала в скворечнике до освобождения Минска. Мать сделала из неё три больших платка, в войну они не продавались. Один платок отдала свекрови, моей бабушке Тэкле, она его повязывала в церковь, когда шла помолиться за троих, убитых немцами, сыновей. Из другого платка мои сёстры Соня и Мария сделали две косынки, сразу после войны, я ещё была в Германии. Третий платок достался маме. Она долго носила его, потом Софья отдала платок не то в ателье, не то знакомой на фабрику, где к нему пришили вошедшую в моду бахрому.

Много-много лет спустя я достала этот платок у мамы из сундука, где он лежал, завёрнутый в листья табака, и привезла

его в Мегион в память о тех чёрных днях. 18 мая 2007 года я его подарила музею в отдел Великой Отечественной войны. И это был не единственный мой подарок. Девятнадцать лет я являюсь Почётным дарителем Мегионского краеведческого музея и вместе с сыном помогала его создавать.

Гробы

В конце 1943 года немцы вывозили из совхоза «Индустрия» прах своих, убитых на советской земле, солдат. Нас привезли на место их захоронения, там уже вовсю работали военнопленные и немец на бульдозере. На нетронутых немецких могилах стояли небольшие деревянные кресты, на них сверху были нахлобучены каски. Выкопанные гробы с покойниками в ровный ряд стояли у дороги, военнопленные загружали их в машины. После погрузки, заровняв место захоронения бульдозером, немцы на том месте не то помолились, не то попрощались с прахом своих убитых соотечественников.

После полудня подъехала машина с обедом, пленные выгрузили из неё корзины и коробки. Фашисты машину ждали, сели обедать, нам приказали сесть на землю. Мы рядом ровняли гравий, к нам тоже прибыл обед. Но на наше безмерное удивление фрицы дали нам другую еду: в котелках густой суп из чечевицы, намазанный на хлеб свекольный салат с тмином, а из коробок достали по две галеты, по моточку белых ниток и по кусочку мыла. Мыла во время войны мы не имели вообще. Один из немцев, говоривший немного по-русски, пояснил, что всё это прислал Красный Крест, и поднял руки кверху, другой, сложив руки на груди, читал имена выкопанных из земли «владык мира», которых из СССР ждала дорога домой ногами вперёд.

Мы не понимали происходившее, тогда немец приказал нам повторить имена убитых немцев и тоже поднять руки к небу. Якобы помолиться за их души. А я невпопад повторяла за немцем

их имена и думала: *«Кто звал ваши грязные души на нашу землю? Сидели бы у себя в Германии, не молились бы сейчас за их спасение и не устраивали бы запоздалые поминки! А кто помолился за наших убитых? Кто вспомнил и повторил русские имена? Ведь только за осень 1942 года вы, изверги, сожгли в Белоруссии почти триста деревень вместе со всеми ни в чём неповинными жителями!»* Сводки Совинформбюро мы знали, чаще всего известия приходили от партизан, иногда в наши руки попадали листовки, сброшенные с самолётов.

В 1944 году появятся свежие гробы к отправке в Неметчину... А вскоре их отправки не будет совсем, фашистам станет не до гробов. Свои бы ноги унести!

«Побереги нос для немецкого госпиталя!»

5 декабря 1943 года меня по разнарядке оправили вместе с другими девушками Блони: Марией Грихутик, Анютой Важник, Галиной Цеханович, Ниной Грихутик, Верой Воскобович и Валею Корень в местечко Пуховичи на склад для немецких запчастей. Мы должны были крыть крышу. Под наблюдением немцев мы, девушки, приколачивали сосновый гонт размером 1 м 20 см на 20 см. Один немец подавал нам гонт, другой протягивал гвозди. День был ветреный, ветер так высоко поднимал наши юбки, что были видны оголённые бёдра. До войны женщины брюк не носили. Немцы, видя снизу нашу наготу, смеялись, мол, у русских нет культуры, и фотографировали нас.

Время подошло к обеду, мы, сидя у костра, быстро съели наш скромный обед. Пока ещё немцы продолжали есть, я решила тут же у костра переплести растрёпанные ветром косы. Тут ко мне подошёл неизвестно откуда взявшийся немец. Он, держа на проволоке отрезанный нос, сунул его в пламя костра, пытаясь поджарить. Чей был нос, мы не знали. Поджарив нос, фашист совал мне его чуть ли не в губы. Разозлённая, я отрезала: *«Камерад, под*

Курском погибло много немецких солдат, побереги нос для немецкого госпиталя!» Немец схватил меня за косу и так двинул сапогом в спину, что я перелетела через костёр на другую сторону, успев сказать на лету: *«Данке, данке! (Спасибо, спасибо!)»* До сих пор я смеюсь над этим «данке». Немец взвился, кричал на меня, обзывал и ругался, как мог.

Подошёл другой солдат, следом за ним офицеры, поинтересовались причиной шума. Я сказала: *«Господа, почему вы всё время кричите на нас и называете русскими свиньями? Чем мы хуже вас? Давайте в залог сигареты, и я докажу, что я не хуже этого немца. Я, русская, всё умею: сено косить, дрова рубить, носки вязать, работать на огороде. А что умеет он? Давайте проверим, кто из нас лучше пишет».*

Принесли бумагу и ручку, немец что-то нацарапал. А меня не зря учили чистописанию, я написала красивым ровным почерком фразу на немецком языке. Я потребовала немца спеть песню, петь он не умел. Тогда я, унаследовавшая от матери красивый высокий голос, спела песню на немецком языке про Лили Марлен. Немцы зааплодировали. Я продолжила: *«Я знаю много загадок на немецком языке, я хорошо бросаю гранату, я, девушка, могу залезть на столб. Ну-ка, угадай загадку».* Загадку немец не угадал. А я их щёлкала, как орешки. Фашистов учили убивать, а не лазать по столбам. И этот экзамен он тоже провалил. После чего я, прошедшая школу ГТО, попросила у солдата ремень, перекинув его через столб и свои щиколотки, застегнула, проверила на прочность и, словно кошка, ловкая и лёгкая, быстро взобралась на столб. Немцы кричали мне: *«Браво! Браво!»* Я обратилась ко всем: *«Ну, так что, почему я русская свинья, чем я хуже вас?»* В ответ услышала: *«Ты русская характером, но в тебе течёт немецкая кровь».* Отдавая сигареты, спросили, для чего они мне. Я ответила, что продам и куплю себе мыла. На самом деле сигареты предназначались военнопленным.

Когда зрители разошлись, оскорблённый поражением немец дал нам другую работу: из туалета консервной банкой, с прикреплённой к ней проволокой, вытаскивать фекалии. Мы работали и пели немецкую песню о весне на мотив «Могучая, кипучая, никем непобедимая...» Немцы с удовольствием слушали, мы с ещё большим удовольствием пели. Хорошо, что среди них не было знатоков советских песен. Так мы отметили День Конституции СССР.

Провокация

На работы в местечко Пуховичи на аэродром нас возили с охраной в крытых грузовых машинах. В тот раз по приезду на аэродром к нам подошли немцы с запиской сопровождавшему нас офицеру с требованием отправить двух девушек для уборки жилого помещения солдат. Отобрали меня и Валю Корень. Валя была блондинкой с большими выпуклыми голубыми глазами. Шестнадцатилетняя девочка была больна, её жёлтый цвет лица и неестественная худоба вызывали жалость. Даже немцы, с их передовой медициной, не смогли её вылечить. Они часто практиковались на русских. Но на работу Валю гоняли и требования к ней предъявляли без всякого сожаления и скидок на болезнь.

Солдат по имени Вальтер отвёл нас в дом, место эвакуированных из него советских военных жильцов теперь занимали восемь немецких солдат. Вальтер нам рассказал, что входит в наши обязанности. Их было немало: колка дров и подноска их к печкам, растопка печей и поддержка огня в течение всего дня. Дров немцы не жалели – до войны Белоруссия утопала в садах и лесах. Нам надлежало носить воду, а её требовалось немало для мытья полов, посуды и стирки белья, часть её нужно было кипятить и следить, чтобы запас кипячёной воды не убывал. Уборка столов, мойка посуды, обстирывание восьми солдат, мойка полов два раза в день во всём доме, уборка туалетов и прочего, протирка

пыли – вот далеко не полный перечень наших обязанностей, перечисленных немцем. Присесть отдохнуть практически не получалось. Чтобы успеть всё сделать аккуратно, требовались и время, и силы. Но мы всегда старались и спешили, не хотели быть битыми. Валю я жалела, просила её передохнуть.

Одного дня в полдень, когда все немцы сели за стол обедать, солдат по имени Ник подошёл ко мне сзади, я, нагнувшись, клала в буржуйку дрова. Немец, заливаясь смехом, дважды хлопнул меня по заднице. Возмущённая, я выпрямилась, резко повернулась к нему и сказала, что он сумасшедший, что у него в голове песок, и что у него совсем нет культуры. Немец опешил, замечание по поводу отсутствия культуры его очень задело. Фашисты крепко вбили в головы своему народу теорию о его исключительности, в том числе и в части культуры. И, не придумав ничего лучшего, растерявшийся Ник громко закричал: *«Сталин ист шайзе! Москва ист шайзе! Гитлер ист гут! (Сталин дерьмо! Москва дерьмо! Гитлер хороший!)»*

Я молчала и стала строгать на вечер лучины. Нервничая, порезала палец и вышла на улицу. Решила перевязать рану носовым платком, полезла за ним в карман пальто, там моя рука вместе с платком нащупала какую-то бумажку, достала – это была купюра в десять марок. Я заплакала, тут же вернулась в столовую, где обедали немцы, положила на край стола купюру и сквозь слёзы спросила: *«Господа солдаты, кто это сделал? Кто подкинул мне деньги? Что я сделала вам плохого, за что вы так со мной?»* Немцы молчали, а я продолжала говорить: *«Я не понимаю политику, я не знаю, зачем война. Я не знаю, кто виноват, Гитлер или Сталин, но война это очень плохо, как для русских, так и для немцев».*

Кто-то из солдат закричал: *«Сталин ист шайзе!»* Я ответила: *«Народ любит Сталина. Он не звал одиннадцатилетних подростков идти работать на заводы и фабрики, они сами заменили отцов. Он не звал детей и бабушек идти в партизаны, они сами бежали в леса. Партизаны добровольно организовали второй*

фронт – большой фронт, и я думаю, Сталин победит. Безусловно, война плохо, очень плохо. Русские завод, фабрику или деревню получают генералы. А что получите от войны вы, рядовые солдаты? Кресты на могилах. Скажите мне, Вы, Курт, Вы. Вилли, Вы, Ханс, где Ваш родной брат, двоюродный брат или шурин? Война нужна генералам, а солдатам никогда! А меня, наверно, заберут в Германию или Америку... Сталин победит, но сколько ещё погибнет людей: и русских, и немцев... Я хочу, чтобы скорее война закончилась. Чтобы не плакали мамы, дети и жёны, читая ваши письма. Но почему, вы, солдаты, так ненавидите нас, невинных русских девушек? Зачем устроили мне эту провокацию с марками? Я не беру чужого».

«О, Вера, ду ист гут медхен. Абер, Гитлер ист зэр гут фюрер! (О, Вера, ты хорошая девушка. Но Гитлер самый лучший вождь!) – заговорили немцы все сразу. – Это немецкие и русские генералы воюют плохо, они любят убивать народ». Я больше ничего не стала доказывать солдатам. Придёт время, сами поймут, если выживут. На дворе стоял февраль 1944 года. Ещё год назад за подобную агитацию среди немецких солдат я бы не сносила головы.

Последний из рода Вагнеров

Шёл 1944 год, приближался наш любимый советский праздник Первое мая. По Блони прошёл слух, что немцы устраивают свой праздник – «фест». Поводом для разговоров стала площадка, строительство которой организовали фашисты. Правда, многие считали, что готовится очередная виселица. Привезли сосновые хлысты, половые плахи. Пригнали советских пленных из военного городка Марьино Горка, пару дней они сооружали площадку. А когда вокруг неё прибили в два ряда тесины, чтобы можно было облокотиться или прислониться спиной, в центре установили стол, а по краям площадки скамейки, люди поняли, что готовится что-то особенное.

Летнюю площадку расположили между берегом реки Титовки и комендатурой, которая находилась рядом с церковью, метрах в двухстах и от комендатуры, и от берега. Утром пленники в парке Поповой Горки вырубili самые красивые берёзы и установили их по периметру площадки. Часть немцев занялась отлавливанием местных жителей, которых заставили украшать берёзы. Сами ли фашисты за столько лет устали от войны, решили ли поучить славян, как надо веселиться, и из какой древности взяли обычай украшать берёзы, осталось загадкой.

Я же готовилась к Первому мая. Сразу с приходом немцев наши великолепные цветники и сад были уничтожены. На берегу Титовки, спустившись от нашего дома через болото и заросли ольховника, нарвала калужниц. С охапкой цветов, радостная, по дороге вспомнила, что недалеко от дома лежит старая колода, а на ней уже расцвели фиалки. Вокруг колодины было топко, но, как каждую весну, я встала на четвереньки, дотянулась рукой до цветов. И хотя вся перемазалась, в моих руках трепетали синие душистые фиалки. Какая красота! Но уже у самой калитки дома ко мне подбежали мадьяры, схватили за плечи, путая русские и немецкие слова, кричали пьяными голосами: «*Фест, фест! Шамогонка!*» Не дав помыть ноги, вместе с цветами меня потащили на площадку. Я вырывалась, мадьяры держали цепко, от самой шеи до поясицы порвали на мне платье и, грязную, чуть ли не бегом приволокли на площадку, куда уже согнали много народа.

У входа на площадку стоял патруль и на меня, грязную и оборванную, набросился со словами: «*Бандит! Бандит! Партизанен!*» Я по-немецки объяснила ситуацию, просилась домой помыться. Но патрульный положил мои цветы на стол, а меня посадил рядом с собой. От обиды за такой праздник хотелось плакать. Было жалко платья и досадно, что цветы попали не в родной дом на советский праздник, а на немецкий «фест». Я попросила у сидевшей рядом Нади Ясевой цветную шаль. Когда девушки и женщины украсили цветами, лентами и бантиками

последние берёзки, начался праздник. Берёзки стояли и у храма, и у входа в комендатуру.

Мадьяры и полицаи получили приказ собрать на праздник и мужчин. Их особо не было – кто-то погиб, кто-то воевал или был в плену. Мужчин посадили на лавку напротив женщин. «Фест» начался с концерта. Музыканты проиграли немецкий марш. Затем начальник полиции из совхоза «Индустрия» заказал гопака. Он так ловко выбивал каблуками этот украинский танец, что мы забыли и про войну, и про то, что он предатель. Затем он же спел песню «Копав, копав криниченьку». После чего пришедший позже всех немецкий офицер взял со стола аккордеон, подошёл к полицаям и исполнил на хорошем русском языке песню «Есть на Волге утёс», возле женщин запел танго «Сердце, тебе не хочется покоя». Он имел от природы редкой красоты голос и пел так проникновенно, что женщины тут же подхватили любимое танго, забыв, что подпевают немецкому офицеру.

Вскоре появился майор Карл и приказал всех угостить. Два немецких солдата, один с правого фланга, другой с левого, вливали нам в рот вино прямо из бутылок, при этом кричали: *«Шире рот!»* Кому-то досталось пять граммов, кому-то десять, мне вино вообще не попало, зато получила горлышком бутылки по зубам.

После угощения Карл дал команду: *«Танцен!»* Женщины должны были танцевать с напротив сидящими мужчинами. Выпавшего мне девятидесятилетнего партнёра, по кличке Галэчник, то есть Голь, ко мне подвёл Карл. До войны дедушка вил в деревне верёвки. Его схватили, когда он спал, в нижних белых штанах и белой сорочке. Кавалер был не только безнадёжно стар, но и слаб, с длинной седой бородой и взлохмаченными космами седых волос. От страха дед дрожал, танго ему не давалось. Я просила: *«Дедушка, поднимай ноги, а то упадём. Наклоняйся и, как можешь, кривляйся»*. Но дед тяжело дышал и хватался за сердце. Тогда я подошла к Карлу и по-немецки сказала: *«Дедушке сто лет, он может умереть и испортить праздник»*. Майор отпустил

деда, а сам занял его место. Прыгал он, как козёл, оттоптал мне ноги и содрал с них кожу. К счастью, его позвал патруль, а на его место напротив меня сел офицер, что красиво пел. Он смотрел на меня, не отрываясь, я опускала глаза, отводила их в сторону, но чувствовала на себе взгляд голубых глаз немца. Когда заиграли вальс, он пригласил меня и всё время повторял на немецком языке: *«О, какие лёгкие движения, как хорошо ты, девушка, танцуешь»*. Я делала вид, что не понимаю немецкого. Что бы он мне ни говорил, я отвечала: *«Ихь нихт ферштее. (Я не понимаю)»*. Кончился вальс, а офицер продолжал на меня смотреть, заиграли фокстрот, он пригласил меня снова. Я отказалась, показав на ноги, сказала: *«Канум! Канум!»* То есть, конец. Он исчез, вскоре принёс мне из своей машины перевязочный пакет, а из Титовки набрал воды. Когда я помыла и перевязала ноги, начался праздничный обед, и патруль ушёл. Офицер посадил меня на место патруля и сам сел рядом. На столе возле немцев лежали сардины, лимоны, тушёнка, галеты, сыр и стояло марочное вино, напротив полицаев стояли бидоны с самогоном, лежало сало, лук, копчёная колбаса, редька и бочонок квашеной капусты. Для нас это была недоступная роскошь, мы могли поесть её только глазами.

Офицер ткнул себя пальцем в грудь и назвался: *«Рейнгольд Вагнер»*. Спросил, как зовут меня. Я назвала первое пришедшее в голову немецкое имя – Ана. *«Видерхолле нох айн маль! Видерхолле нох айн маль! (Повтори ещё раз! Повтори ещё раз!)»* – твердил офицер. На его лице было такое изумление и радость, что неожиданно для себя я перешла на немецкий. *«Ана, Ана, – лгала я, – а фамилия Вальтер»*. *«Что я слышу? А кто твои родители?»* – *«Я – сирота»*. Я не хотела, чтобы он меня нашёл после праздника и выкручивалась, как могла. Сочинила, что живу с одинокой тёткой, и никого у меня больше нет, прибавила себе два года, сказала, что живу не в Блони, а в Марьиной Горке, придумала адрес. *«Ана! Ана!»* – воскликнул офицер и приложил мои руки к своей

груди. – Я нашёл тебя в России и теперь никому не отдам! Я увезу тебя в Германию, Сталин победит». – «А почему ты так думаешь?» – «Немецкие солдаты оставили слишком много горя на русской земле. 25 июня у меня отпуск, я поеду в свою Саксонию, сделаю документы и выкуплю тебя вместе с тётёй. Гитлер никогда не разрешит жениться на русской, а после победы я смогу жениться на тебе. Я сейчас тебе дам денег, купи себе красивое платье и туфли». «Нет, нет. Мне ничего не нужно», – твердила я. «Ана, я увезу тебя от смерти. Разве ты слепая и не видишь, сколько солдаты Германии сожгли деревень вместе с людьми, убили стариков и детей. Я тебя нашёл и никому не отдам», – убеждал меня немец. И тогда я спросила, кто такая Ана. «Мой отец погиб в первый месяц войны в Киеве, брат – в Ржеве, а мать, жена брата и Ана поехали в отпуск, их поезд разбомбили. Все мои дяди и двоюродные братья погибли на фронте. Я последний мужчина из нашего рода. Я не успел жениться. Ана была очень хорошая девушка. Твои зелёные лучистые глаза, твоё имя, твоя осанка – всё есть вторая Ана. Где ты работаешь?» – снова задал вопрос Рейнгольд. Я сочинила, что на вокзале. Потом сказала ему: «Иди, пей, а я схожу в туалет». «Нет, я не пью. Я дал слово своему отцу, что не буду пить никогда. Вино испортит мне слух и голос. Мой папа был очень хороший музыкант. Мы с тобой скоро уедем, ты будешь в Германии», – были его последние слова. «Иди, сыграй мне что-нибудь хорошее, а я схожу в туалет», – попросила я и под звуки его аккордеона ушла с площадки, через дорогу перебежала к церкви, а потом задами через поле вернулась домой.

Рассказала своей матери о встрече с влюблённым немцем, утром она пошла к коменданту и выпросила мне разрешение стирать бельё по разнарядке дома, а не в немецкой казарме, сослалась на мою якобы больную спину. Пообещала, что мне помогут стирать младшие сестрёнки. Поделилась я своей историей и с подругой. После войны узнала, как долго ходил Рейнгольд по разнарядкам и искал свою найденную и вновь потерянную зеле-

ноглазую Ану. Искал и тогда, когда меня уже не было в Блони, в конце мая меня схватили для отправки в Германию.

20 июня немцы из моей родной Блони поехали на облаву партизан по Червенскому Шляху. В их числе был и Рейнгольд. Его мотоцикл подорвался на партизанской mine. Последнему мужчине из рода Вагнеров было двадцать пять лет.

Сожжённые ветви с родословного древа

Всё чаще слышу, что фашисты были благосклонны к нам, жителям оккупированных территорий. Ссылаются на каких-то свидетелей, судят по отдельным фактам. За их словами нет ничего, кроме незнания истины и планов Гитлера. Конечно, в учебниках, только самое главное: события, факты, даты и фамилии; книги, написанные свидетелями оккупации и узниками концлагерей, пылятся в библиотеках. Кто их читает сегодня? По настоянию дочери я пишу воспоминания о войне и спрашиваю: *«Лина, а кому это надо? И кто это напечатает?»* И неизменно слышу: *«Пиши, мама, пиши. Придёт время, найдутся деньги на издание. Твою книгу ещё будут читать»*. Не знаю, будут ли... Но пишу. Пишу потому, что не хочу унести с собой кровавую правду о войне...

В 1942 году в деревнях Болоча, Седча, Подкосье, Залесье, Болочанка и Хидра Пуховичского района Минской области немцы сожгли всех жителей, загнав в сарай и подперев снаружи. Среди них было восемнадцать моих близких родственников по линии отца. Три ветви с нашего родословного древа – три моих родных тётки вместе с семьями – исчезли в одночасье с лица земли. Из всего рода случайно уцелело только два человека: наша двоюродная тётя Ева и её дочь Мария, на тот момент они обе находились в лесу. Тётя с горя лишилась рассудка.

Потерпев неудачу под Сталинградом, фашисты совсем озверели. Собрав шестьдесят детей до трёх лет из всех сожжённых

деревень близ местечка Пуховичи, в деревне Подкосье посадили их на острые штакетины забора. Потом развлекались: срывая малышей с забора, кидали овчаркам. Детей постарше немцы бросали в колодцы, затем туда же летели гранаты.

Только за осень 1942 года в БССР было сожжено двести семьдесят две деревни вместе с жителями. Деревни сжигали не за провинность перед новыми властями, а потому, что они находились в опасной близости к лесам. Фашисты боялись партизан.

Мамин двоюродный брат Степан Буценец, бывший до войны директором Марьина-Горского паточного завода, неосторожно дал один лист табака военнопленному, которого гнали в колонне на работы. Фашисты увидели. Дядьку обвинили в связи с партизанами, забрали в Бобруйскую тюрьму. А его жену Анну и двоих малых детей раздели и совершенно голых стегали шиповником. В тюрьме дяде Степану отрубили голову тесаком, который фашисты носили при себе на поясе.

Родного брата моего отца Фёдора Даниловича Аленчика в 1943 году в военном городке Лапичи, где он жил, убили прямо на крыльце собственного дома за то, что нарушил режим, опоздав с работы на семь минут.

Другого брата отца Сергея Даниловича Аленчика, бывшего до войны председателем колхоза, его жену Александру (Алесю) и четверых детей окружили в лесу и били до тех пор, пока жена не сошла с ума от боли. Жили они в селе Кристамполье Пуховичского района. Дяде удалось спастись. В 1944 году он погибнет на фронте в Пруссии под Кёнигсбергом. А тетя Алеся сожжёт все дворовые постройки вместе со своим домом и сама бросится в огонь. Её спасут.

Третий брат Игнатий Данилович Аленчик в неравном бою под Минском был взят в плен. В 1944 году отступавшие немцы перегоняли колонну военнопленных из Минска в другой лагерь. Кому-то удалось сообщить его матери Тэкле, а моей бабушке, и жене Марыле, что его будут переводить в другое место. Они обе

пешком с грудной, только что родившейся дочерью Аней, преодолели расстояние, более чем в 100 км, чтобы увидеть его по пути следования. Женщины еле узнали бедного дядю Игната: он был избит до неузнаваемости, идти почти не мог, другие пленники его держали под руки. Марыля подняла повыше и показала ему дочь, но мать с женой так и не поняли, смог ли он увидеть её. Это была единственная встреча дочери с отцом. Вскоре один из конвоиров прямо в колонне убил дядю Игната выстрелом в затылок. После войны бабушка Тэкля ездила на опознание сына. Кто-то из пленников, идущих в колонне, уцелел и сообщил, на каком отрезке следования закопан мой расстрелянный дядька. Его лицо было не узнаваемо, мать опознала сына по шерстяному поясу, который сама выткала ему.

Михаил Игнатьевич Линник, мой отец, в отличие от родных братьев, не Аленчик. До революции мой прадед Игнатий, имевший одних дочерей, владел огромным наделом земли. Старшая дочь Тэкля вышла замуж в чужой уезд. По закону ей полагалась совсем малая доля земли, поэтому, чтобы земля не отошла государству после его смерти, мой прадед усыновил своего первого внука, то есть моего отца, дав ему свои отчество и фамилию.

Отец – участник трёх войн: Гражданской, Советско-финляндской и Великой Отечественной. Кадровый офицер-кавалерист, выполняя секретное задание, он не успел эвакуироваться за линию фронта. Слишком быстро Красная Армия сдавала свои рубежи. Позже уйти в партизаны, оставив семью, он не мог, немцы вели в Блони ежедневный поголовный учёт членов семьи. В случае исчезновения из дома отца, расстреляли бы всех: жену, пятерых детей, мать. В 1944 году, когда освободили Блонь, он сразу же добровольно ушёл на фронт. И несмотря на то, что был коммунистом, восемнадцать лет избирался депутатом Блонского сельсовета, помогал пленным и партизанам, был направлен в спецчасть, состоявшую из тех,

кто оказался на оккупированной немцами территории. Его часть не жаловали, бросали, как «пушечное мясо», под открытым огнём.

В Польше, в неравном бою под Пултуском отец на бегу дал очередь из автомата по немецкому окопу. Но и в него стреляют. Пули оставляют на линялой гимнастёрке отца кровавые пятна. Их много. Он всё равно бежит, хотя с первого выстрела почти мёртв. В него продолжают стрелять. Рядом падают друзья на польскую землю. Упал и наш отец. Ему повезло, несмотря на пятнадцать ранений и три перелома костей, отец выживет на этой войне. Но раны на много лет сократят его жизнь. А его мать получит три похоронки на сына. Три убитых сына и три похоронки на живого...

«Майн Гот, хильфе мир! (Мой Бог, помоги мне!)»

В апреле 1944 года (вскоре меня заберут в Германию) немцы отмечали какой-то праздник. Всем, кого возили в местечко Пуховичи на работы, приказали красиво одеться. Привезли нас в блонский клуб и показали фильм о любви на немецком языке без перевода. Я запомнила песню из этого фильма и до сих пор не забыла её. Нашему удивлению не было предела. Обычно нас били, убивали, оскорбляли и унижали. Видно, совсем плохо шли дела у фашистов на фронте, если начали нас фильмами ублажать.

Однажды молодые солдаты приказали, чтобы мы с подружкой принесли по два ведра. Зачем, объяснять не стали. С нашими старыми вёдрами нас отвезли в Марьину Горку. Там, возле кухни курили печальные немцы, некоторые держали в руках фотографии, молодые, не скрываясь, плакали. Немцам предстояла отправка на фронт, им уже было не до еды – прощались с жизнью. Знали, что идут на верную смерть и пытались хоть как-то сгладить свои грехи перед богом и перед нами. Еда из немецких котлов перековывалась в наши вёдра.

Близилось освобождение Белоруссии, и немцы, уставшие воевать, становились совсем другими, особенно рядовые. Часто отворачивались, делая вид, что не видят, когда мы что-нибудь кидали пленным. Издевательства над пленными пошли на убыль, мы тоже стали реже биты. Старые солдаты, они давно поняли, что Гитлер войну проиграл, очень хотели домой и часто рассказывали, что дом разрушен, а сын или два погибли на фронте. Показывали фотографии и повторяли, что война – очень плохо, она им не нужна. Но своих офицеров боялись, заведев их, становились другими: тут же на нас лились потоки грязи и ругани. Отходили офицеры, и картина менялась. Когда командиры уезжали, солдаты мало обращали на нас внимания. Тем более, что в последнее время мы делали бесполезную работу: или перекидывали с одного места на другое песок, или копали яму, потом её засыпали, и снова повторяли тот же процесс, или что-то в этом роде. Так нас, «русских лодырей», учили работать.

Многие немцы записывали в свои блокноты русские слова, загадки и песни. Бывало, сами предупреждали, что на горизонте офицеры, после чего начинали нас ругать. Мы торопимся, сыплем песок. Отъезжает начальство, Герман говорит: *«Уехали каналы. Зачем пересыпать этот проклятый песок туда-сюда?»* Начинает играть на «губнушке» и просит: *«Девушки, лучше потанцуйте!»* Нас уговаривать не надо. Мы топчемся в яме, отдыхаем, оперевшись на лопату, учим немца петь песню «Вдоль по улице метелица метёт». Наши мелодичные песни немцам с их маршевой песенной культурой очень нравились. Герман красиво поёт, затем говорит по-немецки: *«Песок, песок, опять песок. Зачем он? Как я устал... Кому нужен этот песок? Мне не надо медали и ордена, я хочу видеть свою мать, своих детей, свою жену!»* Он смотрит на небо и восклицает: *«Гот, майн Гот! Хильфе мир! (Бог, мой Бог! Помоги мне!)»*

Узница

Всего на территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тыс. концлагерей. В них содержалось 18 млн. человек, из них более 11 млн. было уничтожено. Из 18 млн. каждый пятый был ребёнком.³ В эту жуткую статистику вписана и я. Сначала как несовершеннолетний ребёнок на земле Белоруссии, потом уже будучи взрослой на территории Германии и Чехословакии. К счастью, я не погибла.

В конце мая 1944 года меня схватили на улице. Привезли в Марьину Горку и в числе родившихся в 1925-26 годах поместили в какой-то клоповник. Нас, шестьдесят человек, две недели держали под охраной в ожидании товарного поезда для отправки в Германию. После подкупа полицаев, охранявших нас, всем удалось бежать. Но через семь дней кто-то донёс, что я прячусь дома. В дом ворвались эсэсовцы с собаками и меня снова забрали. Опять голодные в каком-то сарае долго ждали товарняка. 1 июля 1944 года я была насильно угнана в Германию. До освобождения Минска оставалось два дня, Блони – четыре. Мы ехали четверо суток в закрытых вагонах, только один раз их открыли, чтобы могли сходить в туалет.

В Силезии, в городе Розенберге, куда нас привезли, в смешанном лагере, на бирже труда за колючей проволокой шла торговля рабами. Нас было много, все бараки были заполнены, в основном белорусами и западными украинцами. Мои односельчанки Наташа Корнейчик, Маня Грихутик, Ольга Евсейчик, Дуся Овчинникова и Сондак (имя уже забылось) попали на фабрику, где делали взрывчатку. Наших ребят тоже купили на какую-то фабрику, после освобождения все ушли на фронт. Стася Грамович, Нина Нечаева и я попали к фермерам. Меня купили только через две недели, я была тоненькая, как тростинка, и не имела «товарного» вида. Биржа труда продала

меня за шестьдесят дойчмарок Хансу Хольцу и его жене фрау Эмилии (или Амалии) Хольц для работы на ферме Винденав. У них уже работала девушка из Винницкой области. Хозяйка была добрая, русских корней, говорила чисто по-польски. Польский язык я хорошо понимала. Муж Эмилии Ханс был извергом, от которого даже она не раз плакала. Что уж говорить о нас?

Что меня ждало здесь? Блохи, блохи, блохи... Миллион блох на полу в сене, на котором мы спали. Нескончаемая работа: восемнадцать голов крупнорогатого скота, шесть свиней, четыре лошади, куры, гуси, индейки, огромный сад, огород. Пастьба коров на цепи, всех сразу на узкой тропе, чистка навоза и... уход за пятерыми детьми. И побои... Вечные побои. Польская граница была рядом, и я решила бежать. Фрау Эмилия меня жалела и помогла. Я дала ей часть марок, припрятанных на теле, благо, никто не успел забрать.

Летом, в августе, когда фрау Эмилия с мужем Хансом и детьми Хансом, Терезой, Кларой, Дорой и Антонио – набожные немцы – всей семьёй отправились в церковь, я совершила побег. Бежала к польской границе. Попала в лес, где велись лесозаготовки. Но вскоре меня совершенно случайно обнаружил немецкий патруль с двумя овчарками. Одна ударом лап опрокинула меня на землю, другая, положив лапы на мою грудь, со страшным оскалом дышала в лицо и рычала. Я упала на чурбан и очень сильно ушибла спину и плечо. Охранники меня не били. Мне удалось подкупить их оставшимися дойчмарками и упросить отправить меня не назад, а на биржу труда в лагерь Розенберг. Я говорила, что у меня аллергия на зелень (и это действительно было так), и что иду я на биржу труда, и на другой работе принесу больше пользы великой Германии. Охранники посадили меня с моим мешком на телегу, рядом шли пленные с лесозаготовок. Меня снова доставили туда, куда я меньше всего хотела попасть – в лагерь Розенберг.

Спасённая дюжина

Угнанная в Германию, я не была свидетелем этой истории, но моя мать Любовь Васильевна Линник стала одним из её участников. Летом 1944 года рано утром мама спустилась вниз огорода к кринице, чтобы набрать воды. Ближе к болоту, метрах в ста от матери находилась другая криница. Вокруг неё спали дети: чужие, оборванные, донельзя истощавшие и грязные. У некоторых были в крови руки, у других кровь вместе с грязью была размазана по лицам. Почему-то первое, что она сделала, посчитала детей. Их было двенадцать. *«Дюжина, – подумала мама, – куда ж её спрятать и чем кормить?»*

Пошла к сестре Анастасии Цеханович, жившей через забор, всё рассказала. Долго решали, что делать. Разобрать детей по домам не могли. Вёлся строгий ежедневный учёт состава каждой семьи. Было ясно, что дети откуда-то сбежали, а за укрытельство беженцев, даже детей, полагалась смертная казнь. К тому же двенадцать человек – не один, ни в одном доме не спрячешь, да и всегда могли найтись предатели, готовые заложить. Муж сестры Фома Антонович предложил спрятать детей на первое время в бане. Она стояла рядом с болотом. После случая с тонувшим в Чёртовом Оке немцем, которого я спасла, фашисты обходили болото стороной, к тому же к концу войны сильно боялись партизан, без нужды на болото не совались. Баня была построена возле криницы на несколько семей, держать каждому свою было накладно, да и места в разросшейся деревне не хватало. Летом в ней не особенно мылись, не было ни дров, ни мыла, да и жарко было, по большей части купались в реке. Предложение дядьки Фомы было дерзким, но самым безопасным.

Детей определили в баню. Находились они в сильнейшем шоковом состоянии. Бежали из грузовика. Куда их везли и откуда, не знали или боялись сказать. Самому старшему из них

было двенадцать лет, самому младшему шесть. Один из ребят смог зубами перегрызть верёвки на руках друга, потом сообщая освобождали от пут других. Разорвали в кровь губы, болели зубы. Освободившись от верёвок, дети по одному выпрыгивали из машины, сбежали не все, машина была забита битком. Беглецы собрались все вместе и поползли.

Судя по их рассказам, ползли трое суток почти без еды, ели подножный корм, двигались, как считали, к линии фронта. Как бы там ни было, направление держали правильное. Когда на пути попала наша деревня Блонь, дети дождались ночи, огородами и пустырями совершенно случайно выползли к кринице, за которой начинались болото и река. Здесь, напившись воды, и заснули голодные и ослабленные. Пересечь реку они могли только через мост. На этом их побег и закончился бы, немцы перед отступлением стратегические объекты охраняли.

Прокормить двенадцать голодных ртов две наших семьи не смогли бы, в нашей большой семье самим было нечего есть, поэтому решили подключить к этому делу ещё надёжных соседей. Помню по рассказам, что это были Мигуцкие, кто ещё носил еду, не знаю. Но моя младшая сестра Точилова Анна Михайловна и теперь вспоминает, как она восьмилетней девочкой носила в баню голодным детям молоко или другую еду. (На детей немцы меньше обращали внимания). Нюсе категорически запрещалось заходить в баню. Стучала в окошко, чьи-то руки принимали молоко, хлеб, свёклу или брюкву, тут же возвращали бутылку. С детьми делились тем немногим, что имели сами. Наша мама издали наблюдала за доставкой продуктов.

Менее, чем через месяц Блонь освободили, тут же был назначен председатель правления. Ему доложили о детях, и вскоре всю дюжину беглецов вывезли из бани. Кто знает, дожили бы они до победы, оставшись в кузове машины и не найди их моя мать на рассвете?

«Имя своё я не отдам!»

В Розенберге, куда меня вернули после побега, посадили в подвале в изолятор. Там уже сидели узники: девушка полька, укравшая кольцо, и парнишка, подросток, он своровал седло. Их били вечером и били утром. Я боялась, что тоже буду избита за побег, и уже настроилась терпеть. Но меня почему-то не тронули. Или забыли, или, скорей всего, до меня не дошла очередь, потому что вскоре позвали с вещами наверх, и я снова стала предметом продажи.

Две женщины осматривали меня. Как скотину, проверили на качество: пересчитали зубы, пощупали руки, заставили улыбнуться, наклониться, подпрыгнуть. Затем началась проверка на интеллект. Спросили, знаю ли я немецкий язык, я сказала длинную фразу, прочла стихотворение за седьмой класс и загадала загадку – всё на немецком языке. Немки спросили, что я умею делать, могу ли писать. Поинтересовались, сколько мне лет. Мне уже было восемнадцать. На вопрос, кто мой отец, я солгала, что пасечник. Маму я записала в специалиста по разведению роз и дорогих цветов, что почти соответствовало истине, кроме цен на цветы. И ещё я сказала, что она запевала в церковном хоре, это тоже было правдой. В 1936 году её из-за пения в церкви записали в кулацкую «пятёрку». Я не могла сказать, что мать бригадир-полевод, а отец офицер, это мне могло дорогого стоить. Подошла я по всем «параметрам», купили меня эсэсовки фрау Лизель (Лиза) Вагнер и её сестра Эмма Шустер для чёрной работы в ресторане «Хаус дер Хаймат» города Розенберга.

Фрау Вагнер, хозяйка ресторана, расписалась в журнале и повела меня домой, она шла быстро и несколько раз перебежала улицу. Видно, стеснялась меня с холщовым мешком за спиной и в сапогах. Когда пришли домой, меня посадили на стул, и дети фрау Вагнер: восьми-девятилетний Карл-Хайнс и семилетняя Зигрид, сын фрау Шустер восьмилетний Вольфганг начали раз-

бирать мои волосы и искать рога. Не участвовал в поиске скотского признака на моей голове только полуторагодовалый Эшли (или Экат) – второй сын фрау Шустер. Взрослые смеялись, некоторые из них тоже копались в моих волосах. И много позже хозяйские дети вполне серьёзно спрашивали, когда же у меня наконец появятся рога.

Вскоре фрау Вагнер разонравилось моё имя Вера, и она решила окрестить меня Аной. Я отвечала: «*Найн, Вера ! (Нет, Вера!)*» Она твердила своё: «*Ана!*», и снова я повторяла: «*Найн, Вера!*» Тогда дебелая крупная эсэсовка больно била меня мокрой тряпкой по лицу, топала ногами и кричала: «*Ана! Ана!*» Разбила в кровь мои губы. Я ненавидела её и не сдавалась: «*Вы отняли у меня всё: дом, Родину, родных! Но своё имя я не отдам! Вера!*» За мою дерзость Фрау Вагнер собралась сдать меня в лагерь смерти Дахау. Я уже собирала вещи, но в последний момент эсэсовка пожалела потраченных на покупку рабыни денег. Подумав, лишила меня имени совсем. Меня стали звать Русская. И это славное имя после бесчисленных «*руссиш швайн*» и «*скотина*» я носила с гордостью.

В ресторане работали польки, итальянки, две русские, одна француженка и наёмные немки. Мы работали с полседьмого утра до полвторого ночи, по девятнадцать-двадцать часов. На немок это не распространялось. Спали очень мало, по четыре-пять часов в сутки. Здесь, тоненькая и хрупкая, я таскала огромные фляги, стирала, убирала помещения, мыла полы и в большом количестве посуду (огромные котлы, ванны из-под холодца и сосисок), бутылки из-под сидра и пива, заготавливала дрова, уголь и продукты, работала в хлеву, в огороде. Кормили очень плохо, давали пятьдесят граммов хлеба, свекольный отвар, тушёные в луковой воде листья шпината или капусты, стручки фасоли. Этот «силос» слабо спасал от голода, тяжёлая работа требовала энергии, постоянно хотелось есть и спать. По воскресеньям получали пятьдесят граммов мяса, компот из тыквы с сахарином.

Отходы из ресторана нам не давали, следили, чтобы они попали свиньям, а не работникам.

Глубокой осенью в Розенберг на митинг приехал Гитлер, он выступил метрах в трёхстах от ресторана на спортивной площади. Наши хозяева были там, вернулись возбуждённые. А недалеко от города располагался лагерь изменника Власова. Его люди носили нашивки из трёх букв: РОА, то есть Русская освободительная армия. Власовцы часто заходили в наш ресторан, пили пиво. Я их, предателей, ненавидела ещё больше, чем немцев.

В январе 1945 года, по мере приближения советских войск к городу, нас эвакуировали. По дороге началась бомбёжка. Я потеряла «своих коллег» по ресторану и была забрана немцами в город Оппель. Везли нас на машинах. Здесь судьба послала мне русскую Клаву из Орла. В каком-то большом помещении, не то в казарме, не то в училище, нас заставили в большом количестве мыть миски и тарелки после немецких солдат. Мыли их двое суток, совершенно голодные, рядом с нами ни одной живой души, только немцы иногда привозили и увозили посуду. Как мне хотелось убежать! Но бежать было некуда, кругом фашисты. Да и закрывали нас снаружи. Наконец-то на третьи сутки нам привезли поесть каши.

В тот же день начали сильно бомбить город, и ночью нас те же солдаты вместе с горой вымытой посуды и с колонной военнопленных срочно вывезли машинами на вокзал, а оттуда в тамбурах вагонов с гражданским населением эвакуировали в лагерь смерти Лигница на территории Чехословакии. Фронт был рядом, поэтому нас гоняли на рытьё траншей, окопов, противотанковых рвов, стройку заграждений из колючей проволоки. На работу перед нами гнали колонну военнопленных, шли они под конвоем с собаками. Нас, человек девять-одиннадцать, водили без собак. Иногда мы в подвалах клеили бумажные мешки или пакеты, в них насыпали песок или цемент и делали заграждения на улицах.

Это был самый страшный лагерь. В Лигнице я пробыла месяца два, но до конца жизни меня преследует увиденное в его стенах. Кормили пленников два раза в день баландой из брюквы. Многие умирали с голода на моих глазах, баланда не насыщала вконец истощённых людей. На них, чёрных и опухших, было страшно смотреть. Многие пленные, больные и исхудавшие, более похожие на живые скелеты, обессилев, падали прямо на работе. Их, «дешёвый скот», зверски добивали сразу же на месте. Здесь, в лагере смерти, проводили медицинские эксперименты, заражали пленных страшными болезнями. Организовали принудительное донорство. Люди гибли от издевательств, голода и болезней.

Затем нас вместе с военнопленными большой колонной погнали в сторону Дрездена. По дороге устроили чистку рядов, расстреляв каждого второго. В этом немецком городе нас постригли, много фотографировали, на спине, прямо на пиджаке, краской написали номер. Затем отобрали девять девушек, в их числе и меня, и приказали нам под видом беженцев идти пешком в лагерь Баутцен на территории Саксонии. С четвёртого марта я находилась в этом лагере. Здесь нас также много фотографировали. Выдали тяжёлые сапоги, на работы водил немец Вилли. Мы копали траншеи на улицах, рыли противотанковые рвы, из кирпича выкладывали заграждения за городом и радовались: скоро победа.

Так как я говорила по-немецки, я опять попала в услужение, меня брали для работы на огородах и садах немцы из пригорода, иногда для стирки белья. В выходной день (он был не для нас, его устраивали нашим стражам), немец Карл давал мне пропуск в деревню на подработку, а фрау Ульрихт водила меня по домам. Кормили, как и везде, ужасно, один раз в день, иногда вообще забывали покормить. Не накормить, а, именно, немного покормить. Случалось, за стирку кто-нибудь иногда покормит вторично, и это был праздник. Чаще всего я ходила к фрау Зайде,

у неё работала на огороде, делала в доме ремонт, стирала. Передохнуть не давали, по вечерам я вязала и вышивала. Затем меня взяла к себе по уходу за двухлетним ребёнком хозяйка почтового отделения. Рано утром она меня будила, и уже к полседьмому пешком я возвращалась в лагерь. Паёк ей на меня не давали, так как она за меня не заплатила, до самого освобождения я ела объедки от её скудного пайка.

Начали бомбить город, вместе с хозяевами мы прятались в бомбоубежище. Здесь, в подвале под Баутценом, 8 мая 1945 года нас освободили солдаты войска Польского совместно, а точнее, в составе Красной Армии. В тот день в результате Пражской наступательной операции по разгрому последней группировки немцев на Западе, кроме Баутцена, были заняты города Дрезден, Герлиц, Теплица, Мост. Но война ещё продолжалась.

Французский «ланцуг»

Разбитый армией Кутузова Бонапарт Наполеон осенью 1812 года бежал по белорусским гаям. Старики говорили, что своим названием наша деревня Блонь обязана французам. Метрах в двухстах от нашего дома текла река Титовка, чуть ниже она вливалась в Свислочь, та в Березину. Отступавшие французы, чтобы ускорить продвижение войск, вместо мостов поперёк Титовки соорудили греблю. По берегам речки вырубали ольховник, березняк и осинник, образовали вал, сверху насыпали земли, гравия и песка. По этой гребле и бежали французы под напором русской армии. Толкая друг друга, падали сами в Титовку и роняли в воду котелки, кресты, гребешки, медальоны, ложки, цепочки, обувь и прочее.

Давным-давно прорвало греблю, но участок реки с её остатками всё ещё звали Французской Греблей. Со временем Титовка немного поменяла фарватер, и когда вода убывала, мы, купальщики, находили французские предметы. Все находки, независимо от того, имели ли они отношение к французам, мы звали

французскими «паццерками», то есть бусами, чётками. Однажды за год до войны, купаясь, я заметила в стенке гребли что-то странное, потянула и ахнула. В руках у меня оказался большой крест на цепочке с непонятной надписью. С находкой пошла к соседке польке Косте, она прочла надпись и сказала: *«Это талисман французского солдата, береги его, может, сгодится»*. Французский «ланцуг», как тут же окрестили находку мои сёстры, оказался серебряным.

Когда началась война, я его повесила на шею рядом с тем, который мне дал при крещении священник. Оба креста я носила всю войну и просила у неба защиты от врагов. И в 1944 году, когда меня забирали в Германию, я не рассталась с крестами. В 1945 году мой крестильный серебряный крест с меня снимут в концлагере Баутцен. Тёмный, почти чёрный, давно нечищенный французский «ланцуг» не привлёк внимание немцев.

Шёл 1945 год, фашисты отступали. Нас, сто военнопленных и несколько девушек, перегоняли из Чехословакии, из лагеря смерти Лигница в лагеря Германии. По дороге один пленный наступил на мину. Взрыв, яма на дороге, шум, переполох конвоиров, лай немецких овчарок. Не долго думая, фашисты решили сократить численность пленных. Нас вывели на ровную дорогу, выстроили в колонну. Один из фашистов с пистолетом считал пленных в рядах. Все нечётные пленники подлежали расстрелу. Я была последней в своём ряду и девятой, меня ждала неминуемая смерть. Я уцепилась за свои кресты и молила мать спасти мне жизнь. А когда немец подходил ко мне, я сказала себе: *«Умру, как русская, как комсомолка, с улыбкой и гордо поднятой головой»*. Подняла голову и с улыбкой, весело и смело глядела в глаза подошедшему немцу с пистолетом. Он внимательно посмотрел на меня, девятую, и крикнул: *«Ахт!»* и ещё раз громко повторил: *«Ахт!»* (То есть, восемь). Ошеломлённая, я еле вымолвила ему вдогонку: *«Данке, данке! (Спасибо, спасибо!)»* Немец пошёл отстреливать нечётные жертвы следующего ряда.

Меня «фильтруют»

Победу я встретила в бомбоубежище под городом Баутценом. 8 мая нас освободили, но мы всё ещё сидели в подвале – и русские, и немки, и чешки, и люди других наций. Ещё кое-где стреляли, иногда гремели взрывы, да и деваться нам было некуда.

9 мая в бомбоубежище пришла моя последняя хозяйка и сказала: «*Медхен, крик цу энде! (Девушки, конец войне!)*» Люди самых разных национальностей бросились целоваться, обниматься, у всех на глазах были слёзы. И весь тот вечер, всю ту ночь мы смеялись и плакали, пели и танцевали, всё, что было, поставили на стол. Ещё два дня мы отмечали победу на какой-то площади, где также установили столы и разложили, какие только смогли найти, продукты. Снова пели, плясали, танцевали и радовались. Так мы праздновали своё освобождение. Это были самые счастливые дни в моей жизни. И по сей день праздник Победы для меня самый большой праздник на этой земле.

На площади среди освободителей оказался мой двоюродный дядя. Он отвёл меня в комендатуру к подполковнику Филиппу Терентьевичу Терентьеву, москвичу, с тем, чтобы тот без задержек отправил меня на Родину. Я написала заявление, но подполковник, посмотрев на мой почерк, оставил меня работать в регистратуре при комендатуре регистратором по оформлению документов советским пленным из всех республик Средней Азии. Сколько ж их было в германском плену! Почти пять месяцев с восьми утра до восьми вечера я выписывала им справки вместо паспортов. Безумно хотелось домой, увидеть маму, папу, сестричек, услышать родную речь. А пленные всё шли и шли, каждый день ко мне стояла длинная-предлинная очередь... Узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы... Часто плохо или вообще не знали русский язык. Очень тяжело было грамотно написать их фамилию, имя, мы друг друга не понимали, теряли время. Многие из них были покалечены, у некоторых фашиста-

ми отрезаны нос, уши. Впоследствии справка о том, что я работала в советской комендатуре, сыграет не последнюю роль в моей «реабилитации» во время фильтрации и перед лицом Блонской комендатуры. Только вернувшись на Родину, я пойму, что сделал для меня Терентьев, и скажу ему спасибо.

Затем я, Надя Фунтикова, тоже из Блони, Фрося из Могилёва, Тоня из Винницкой области были направлены для прохождения фильтрации в лагерь Болькенхайм (№ 274). Слово-то какое придумали для нас! Свои, не фашисты... Нас пропускали через фильтр, словно через сачок каких-то мелких насекомых. Здесь, в лагере, я заведовала детским садом при 9-й роте. Попутно меня проверяли, собирали сведения, искали свидетелей. В садике содержались дети разных национальностей. Маленькие, напуганные, измождённые, не понимавшие русский язык, они требовали особого внимания и терпения. Со мной работали Надя Фунтикова и Фрося. Фрося была нянечкой.

По утрам нас будили стуком палки в дверь. Полседьмого мы уже стояли на плаце, старшина нас пересчитывал. Он шёл завтракать, а мы снова работать на Германию, теперь уже на побеждённую: кто-то разбирал руины завода, кто-то чистил город, иные убирали урожай, мы с Надей и Фросей занимались чужими детьми. Но никто из нас не роптал. Впереди возвращение на Родину! После ужина – фильм и опять перекличка.

Кормили в лагере плохо, и мы втроём, Надя, я и Тоня, пошли в ближнюю деревню купить какой-нибудь еды. Когда переходили поле с посевами, по нас открыли стрельбу немцы из пистолетов. Они залегли в поле с овсом. Мы попадали вниз лицом в землю и, затаив дыхание, лежали. Не хватало только погибнуть после освобождения! Немцы продолжали палить, вокруг нас свистели пули. На наше счастье раздался рокот мотоциклов, но мы всё ещё боялись встать. И только, когда наши мотоциклисты подъехали близко и стрельба прекратилась, мы поднялись. Рассказали всё и двинулись обратно в лагерь, голодные.

В Болькенхайм приезжали вербовщики из разных стран, в том числе и союзники. Уговаривали покинуть СССР. Говорили, что Сталин будет звать нас врагами народа, мы не получим образования, он сошлёт нас в Сибирь, и из-за нас пострадают родственники. Предлагали мне уехать в Канаду, Америку; в Бельгию, Голландию, Швейцарию и другие европейские страны. По данным органов по репатриации, 451, 5 тысяч советских пленных не вернулись с территории рейха и остались в других странах.⁴ Но я вралась на Родину, которую преданно любила.

Осенью мы, узники из БССР, ждали поезда для отправки домой, его формирование происходило на польско-русской границе в городе Рава Руська (Рава Русская). До границы нас везли в открытых грузовиках. Наша машина двигалась последней, в кузове находилось восемь девушек и солдат с автоматом, в кабине другой солдат сидел за баранкой. Едва успели въехать в лес, как на нас напали бандеровцы. Открыли прицельный огонь по кузову, мы все попадали на его дно. Хорошо, что стреляли сзади. Когда смертельная опасность миновала, солдат, что стоял рядом со мной, остался лежать на дне кузова. А я обнаружила огнестрельную дырку в своей куртке. Но меня судьба хранила для моих детей.

Когда ехали через лес, забарахлил мотор, наш водитель замешкался, и мы немного отстали от колонны. Опять началась стрельба, шофёр был серьёзно ранен в руку. Машина стала. Нас вновь окружили бандеровцы, обшарили всех, перетрясли барахло. Всё, что понравилось, забрали, у меня не было ничего ценного, но и то, что имела, отняли. Кому-то дали в лоб, кому-то разбили нос. Обзывали нас русскими суками и прочими грязными словами. Самую юную из нас, Тонечку, тут же на наших глазах изнасиловали. Сильно избивли шофёра, но эти, слава богу, никого не убили. Так же исчезли, как и появились. Шофёра мы перевязали и снова тронулись в путь.

Подъехали к границе. Возле перрона редкие кустики, рядом болото, поросшее ольховником. Из ольхи и своих простыней со-

орудили что-то вроде шалашей, по пять-шесть человек в них, а кто и под кустом, в течение трёх недель ждали поезда. Благо, не было дождей.

Женщины и дети ехали в вагоне, а мы, молодёжь, с песнями, счастливые, возвращались домой на крыше «телятника».

«Почём фунт лиха?»

«Стервы, никчёмные дуры! Вам Сталин ещё покажет, почём фунт лиха!» – кричали на нас, напавшие на машину, бандеровцы. А вскоре я на собственной шкуре узнала сама, почём у Сталина тот самый фунт лиха. Приехала домой 24 сентября 1945 года. Пошла в советскую комендатуру сдавать все справки, полученные в Германии: одну вместо паспорта; другую о том, что работала в советской комендатуре; третью о прохождении фильтрации, то есть о том, что не являлась и не являюсь ни пособницей фашистов, ни предателем Родины. Летела на крыльях, радовалась, что я избавлена от фашистского гнёта и наконец-то получу «молоткастый серпастый советский паспорт».

Но не тут-то было! Капитан милиции МГБ Николай Лазаренко стучал по столу пистолетом и кричал, будто мы, шестьдесят человек из Блони 1925-26 годов рождения (почему-то только мы), добровольно уехали в Германию. Особенно его возмущало то, что я работала в ресторане. Но разве я пела и танцевала там? Я была вечно голодной тягловой лошадкой, спавшей по четыре-пять часов в сутки на холодном полу на соломе. Хорошо, что не стоя, как лошадь! От такой несправедливости у меня перехватило дыхание: добровольно уехать в концлагерь, чтобы погибнуть там! Что за дикий бред? Мне повезло, я уцелела, но, сколько их, моих соотечественников, осталось лежать там, на чужой земле!

В 1991 году профессор А. А. Шевяков на основе материалов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков посчитал: на принудитель-

ных работах в Германии погибло 3,4 млн. советских людей от непосильного труда, голода, издевательств, отсутствия элементарной медицинской помощи.⁵ Тогда, в 1946 году, я этих цифр не знала, но я видела сотни сотен убитых людей и ответила Лазаренко: *«Это вы нас предали! Вы должны были нас защищать, а вы нас бросили на уничтожение фашистам и позорно бежали!»*

Я продолжала ходить в комендатуру. Каждый раз Лазаренко кричал, что мы предатели, вербовал меня в осведомители, я наотрез отказывалась. Капитан продолжал на меня кричать. Приказал, чтобы я приходила отмечаться в комендатуру ежедневно (другие отмечались раз в десять дней), очевидно, полагая, что он сумеет сломать мою волю. Только плохо Лазаренко меня знал! Я приходила спокойная и уверенная в себе. И опять он кричал, оскорблял меня и запугивал. Более всего его бесило теперь, что я одна-единственная из узников снова поступила в техникум. Как так? Кто позволил? К счастью, вскоре наши встречи закончились, Лазаренко перевели в другое место. Назначенный вместо него милиционер оказался порядочным человеком, отменил мне ежедневный приход и относился ко мне, как и к другим, сочувственно. Знал, что такое концлагерь.

Сталин заявил, что у нас нет пленных – есть предатели. Эти слова вождь отнёс и к своему сыну, попавшему в плен, которого отказался обменять. Хотя теперь пишут, что по части сына дело было совсем не так. Как бы там ни было, но на работу, даже на самую плохую, нас, узников концлагерей, не брали нигде. Я подала документы в Бобруйский мединститут, отлично сдала все экзамены, после чего узнала, что мне путь в медицину закрыт навсегда – была в Германии. Так, на моей родной земле, свободной от фашизма, разделались с моей мечтой стать врачом. Тогда я ещё не отчаялась, жила во мне и другая мечта. Но клеймо «Была в Германии» на моём заявлении в сельскохозяйственную академию тоже поставило чёрный крест. Не сбылась моя мечта выводить новые сорта фруктов, пшеницы, роз... Я любила учить-

ся, у меня была великолепная память, учёба мне давалась легко, поэтому очень хотела учиться дальше и стать учёным... Как же мне было горько и обидно: я никогда не предавала свою страну, свой народ, я столько всего перенесла, в меня столько раз стреляли, за что же со мной так?! Этим жирным чёрным крестом перечеркнули не моё заявление, зачеркнули мою судьбу! За что? За что? За что???

Война – это поломанные судьбы, это ужас, это бездна горя, это слёзы детей и плач матерей, это страдание и смерть людей. Что ни день войны, то новое зверство, новое кровопролитие, а я его так хорошо помню и до самой смерти, до последнего вздоха не забуду! О, если бы записать всё, что творили фашисты в годы войны, и последствия той оккупации, то мне не хватило бы чемодана бумаги!

Да здравствует моя Родина, мой многострадальный советский народ! И никакими силами не выбить из меня мой родной язык, мою славную Россию, землю отцов и дедов.

План Берлина

Мой отец, Михаил Игнатьевич Линник, 1900 года рождения, был кадровым военным. В Гражданскую войну служил офицером в коннице С. Будённого, был нарочным у М. Тухачевского. После репрессии маршала М. Н. Тухачевского в 1937 году скрывал свою причастность к нему. Вчерашние герои по воле Сталина становились врагами.

На офицера-кавалериста отец выучился в Казани, куда бежал из богатой семьи, окрылённый идеями всеобщего равенства. Воёвал в Чите, громил отряды Савинкова и Булак-Балаховича, сражался против белополяков, в 1920 году участвовал в разгроме Врангеля в Крыму. До войны восемь месяцев в году отец добровольно и безвозмездно обучал джигитовке кавалерийские части военного городка Марьино Горка. И в этом он весь.

В Великую Отечественную войну при освобождении города Пултуска в Польше был изрешечён в неравном бою. Всего имел пятнадцать ранений и три перелома костей. После лечения в городе Борисове Минской области отца комиссовали. Ему полностью удалили одно лёгкое, другое осталось больным. Одно его плечо стало выше другого, правая рука слабо функционировала, повисла плетью, он слегка прихрамывал на левую ногу, но, высокий и стройный, как Овод, по-прежнему поражал своей военной выправкой и породой. На его груди не осталось живого места от пулевых ранений, шрамов, оставленных осколками снарядов, и последующих операций, вся грудь была исполосована. Отец по этому поводу шутил: «План Берлина».

Но и комиссованный, он не мог сидеть без дела, в 1952-53 годах выучился на дорожного мастера, строил мосты. Однажды он выпросил у начальника дорожного управления лошадь, чтобы заранее завезти на участок столбики, а заодно проверить своё поле, не потравил ли скот зерновые посевы. Время было неурочное, около пяти часов вечера. Когда отец приехал на участок, то увидел, что вдоль канавы расположился цыганский табор. Подъехал к цыганам и вежливо показал, где можно пасти лошадей. Цыгане поинтересовались у отца, какой он веры. Узнав, что православной, спросили, как его зовут и воевал ли он. Ответил, что воевал. Кто-то из цыган засомневался, потребовал доказательств. Тогда отец снял гимнастёрку, показал «план Берлина». Цыгане захохотали, зацокали, переглянулись и хором заговорили: *«Нам такой подходит. Михаил, ты святой человек, будь крёстным отцом наших детей. Мы не хотим идти в церковь, нас, цыган, там не жалуют. У нас есть кума, но мы давно не можем найти достойного кума. Миша, не откажи нам!»* А когда узнали, что отец – сам бывший кавалерист, гарцевал на лошадях элитной породы, полжизни обучал джигитовке и военному делу других, и очень любит лошадей, удвоили свой напор.

У отца уже в крестниках, помимо белорусов, было пятеро еврейских детей из двух семей. Их отцы погибли: один на Советско-финляндской, другой в Отечественной войнах. Когда в Блонь пришли немцы, дали указ: в три дня всем принять православную веру, отказавшихся ждал расстрел. Отец не мог оставить людей в беде. Стать крёстным отцом ещё и цыганят сначала колебался, но вспомнил, как фашисты стирали с лица земли не только евреев, но и цыган, да и добрый был по натуре, никогда никому не мог отказать. Согласился.

Цыгане развели костёр, начали жарить кур, печь пироги, готовить другое угощение. Привели какого-то попа, неизвестного нашему отцу. Батюшка совершал обряд крещения, кума подавала отцу золотой крестик, он с соответствующими случаю словами вешал ребёнку крест на шею, перекрестив его. Цыганят оказалось много – двадцать человек. После чего началось пиршество. Отец пить не хотел, но цыганский барон сказал: *«Миша, не обижай нас. Ты должен выпить рюмку за отца, рюмку за мать, а потом за детей»*. Очевидно, вместо трёх нашему непьющему отцу пришлось выпить поболее рюмок, послушать не одну, полную страсти, цыганскую песню и посмотреть не один танец с вихрем цветастых юбок. Дома волновались наша мама и бабушка, а отец, отъехав от табора в сторону, привязал к дикой груше лошадь и заснул в телеге. Цыгане охраняли сон отца и положили ему на воз гостинцы: жареную курицу, буханку хлеба и килограммов шесть пирогов, пончиков и пряников. Отец проснулся, когда уже было совсем темно. Табор спал. Отвязанная им лошадь сама тронулась домой.

На вопрос жены, где был, папа, ещё не пришедший в себя после крестин, ответил: «На свадьбе». Сообща кое-как затащили его в кровать. Утром всей семьёй отпраздновали с курицей и пирогами неизвестно чью свадьбу. Отца пришлось спасать, проснувшись, он кричал: *«Умираю, дайте опохмелиться!»* Отпаивали его рассолом и лечили травами. Немного придя в себя, расска-

зал, что теперь у него кума – цыганка, и он стал крёстным отцом для двух десятков детей из табора.

Через год под осень в наш дом пришла цыганка, окружённая большой группой цыганских детей, принесла крёстному отцу тёмно-синего сатина на рубаху. Дома была только 90-летняя бабушка Тэкля, мать отца, она угостила детей морковкой и тыквенными семечками, которым они несказанно обрадовались. И для нашей бабушки славянки, по воле сына ставшей близким человеком целому табору, станцевали цыганочку. Для табора бабушка послала большую корзину огурцов. Прощаясь, цыганка сказала: *«Как детей окрестили, ни один за год не заболел, хорошего человека взяли в крёстные отцы. Добрый он и герой, дай бог ему здоровья! Бабушка, спасибо твоему Михаилу Игнатьевичу и тебе за такого сына».*

Бабушкины предсказания

Они все сбылись, предсказания моей бабушки. То, что я выйду замуж за офицера, наверно, предвидеть было несложно. А вот как она могла знать, что я буду жить за Уралом, на «зургутской» земле? Что меня ждёт очень тяжёлая, но счастливая жизнь?

Домой из Германии я вернулась в сожжённую Блонь, от большой деревни осталось несколько домов. Но деревню сожгли не немцы. Советские части стояли на подступах к Блони. При отступлении фашисты окопались в леске на Поповой Горке. Мирные жители бежали к реке в противоположную от немцев сторону. Чтобы разделаться с фашистами, хватило одного залпа «катюши», но при этом сгорели три деревни: Блонь, Заречье, Подблонь. Уцелели единичные дома, в том числе наш, видевший мадьяр, итальянцев, немцев и полицаев. Его помогли потушить двенадцать женщин с Украины, волею судьбы оказавшихся без крова и живших по доброте нашей матери у нас. Нюся, увидевшая, как горят дома, плакала: *«Церковочка сгорит».* Но

не сгорела и наша церковь, пережившая даже революцию с её атеизмом.

Мужчины ещё не вернулись с фронта. Да и сколько их там уцелело? Женщины с детьми сгоревших деревень ютились в ямах, копали землянки. В нашем доме жило несколько семей. Почти через год, а кто и позже, вернутся с фронта мужчины, разберут на брёвна уцелевшие гумна и построят из них дома.

Узницу концлагерей, меня на хорошую работу не брали. Я работала на колхозном поле. Других и в поле не брали. Однажды заменяла тяжело болевшую малярией маму. На тот момент приехала комиссия в составе председателя Пуховичского райисполкома и работников Минского сельхозуправления, они набирали в сельхозтехникум абитуриентов от колхоза: зоотехника и агронома с последующей отработкой в колхозе. И председатель, и колхозники выдвинули мою кандидатуру. Все дружно проголосовали за меня. Так, вопреки установке Сталина и благодаря моим односельчанам, я снова стала студенткой Марьино-Горского техникума, на сей раз животноводческого факультета. Училась я на «отлично», единственную четвёрку получила по предмету «Корнедобыча». Я в тот момент боронила поле босиком и проткнула ногу проволокой, на госпрактике не была, и мне заочно вывели четвёрку. Занимаясь вечерами после занятий и в свободное время днём, я сдавала экзамены досрочно. Учёбу на агротехническом факультете, которую оборвала война, мне засчитали. Но дорога в высшие учебные заведения мне была закрыта навсегда.

Вышла замуж за Дмитрия Шлябина, офицера, сибиряка. Но с военной карьерой ему пришлось расстаться, с поста бежали два солдата с оружием, мужа отдали под трибунал. Забрали партийный билет и впяли пять лет отсидки в Минской тюрьме с политическими. Сегодня за убийство человека столько же дают. Через полгода дезертиров обнаружили в Прибалтике, на хуторах, Дмитрия оправдали, но он, обиженный несправедливостью, больше жить в Белоруссии не захотел. Ещё повезло, что нашли беглецов.

С тяжёлым сердцем, с двумя малыми детьми, без денег, я снова не по своей воле расставалась с родной Белоруссией. Думала, ненадолго, а оказалось, на всю жизнь. В Алтайском крае работали на Опытной Агротехнической станции по разведению пчёл, было интересно, но одиноко вдали от населённых пунктов. Потом много переезжали с Новосибирской экспедицией, колесили по Кемеровской и Томской областям. В Кемеровской области на руднике Темир-Тау в 1952 году родился младший сынок Димка. Роды у меня были очень тяжёлые, длились трое суток. Ребёнка принимали сестра Дмитрия Поля и её муж, они по праву дали имя новорождённому.

В 1954 году я как специалист в области сельского хозяйства по направлению Тюменского сельхозуправления еду в Ларьякский район поднимать сельское хозяйство среди коренных народов на реке Вах. Здесь я узнала и полюбила хантыйский народ, плечом к плечу работала с хантами в колхозах и рыбацких артелях. Нам доводили и план сдачи пушнины.

Вместе с мужем руководили колхозом, председатель за триста километров. И даже, когда в наш колхоз перевели Ефима Ефимовича Гусева, всё осталось по-прежнему. Бывший киномеханик, назначенный председателем колхоза потому, что был коммунистом, он прекрасно разбирался в рыбодобыче, сам с рыбаками тянул невод и ставил сети, но ничего не смыслил в сельском хозяйстве.

Работала разъездным зоотехником и ветеринаром, а потому часто ездила и на лошадях, и на оленях, ночевала в снегу на ветках, кормила тучи комаров. Мои дети не были ни в садиках, ни в пионерлагерях. Кто-то скажет, такой быт не многим отличался от того, который пришлось пережить в концлагерях. Но мы не замечали трудностей, потому что верили: крупица нашего труда положена в фундамент могущества родной державы.

Я прожила длинную жизнь. Гораздо раньше геологов покорила Аган, где паслись наши олени стада, в Охтеурье выращи-

вала серебристых лисиц, в колхозе Усть-Колек-Ёгана «догоняла и перегоняла» Америку по надоям молока. Едва ли не первой доказала, что на реке Вах нужно развивать овощеводство.

С 1961 года я живу в Мегионе, вырастила троих детей, получивших высшее образование. В 2002 году на День матери правительство округа вручило мне благодарственное письмо «За воспитание достойных граждан нашей страны». И я уверена, что только в этой стране, которой меня едва не лишили, я могла быть счастлива. Только она могла дать мне уверенность в будущем моих детей, и только ей я могла отдать свою веру и стремление к светлому завтра.

2000-2008 гг.

Примечания

¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т.2. С.15.

² Балашов А. И., Рудаков Г. П. История Великой Отечественной войны. СПб., 2006. С.70.

³ Каждый пятый – ребёнок // Мегиионские новости. 11.04.2008. С.1.

⁴ Балашов А. И., Рудаков Г. П. Указ. работа. С.449.

⁵ Там же. С.448.

Фотографии
из семейного альбома
Веры Михайловны
Шлябиной

Дмитрий Шлябин. Февраль 1945 г.

Дмитрий Шлябин на реке Бие (справа).
Пос. Турочак Кемеровской обл. 14.08.1947

Вера Линник (слева). Техникум.
Г. Марьино Горка Минской обл. 1946 г.

Дмитрий Шлябин с сыном Женей.
Кемеровская обл. 1950-ф1951 г.

Сестра София. Минск. 16.07.1953

Семья Шлябиных. Новостройка Томской обл.
12.04.1953

Сестра Анна. Д. Блонь
Минской обл. 1956 г.

Семья Линник: Михаил Игнатьевич,
Любовь Васильевна, Мария, Ира и
Аня. Д. Блонь Минской обл. 1955 г.

Вера Михайловна (в центре). Юрты Лапчинские
Ларьякского р-на. 1955 г.

Сестра Ирина. Г. Калинин.
05.04.1960

**Дмитрий Васильевич на своём
участке. Пос. Мегион Тюменской обл.
1976 г.**

**Дмитрий Васильевич с сыновьями Дмитрием и
Евгением. Пос. Мегион Тюменской обл. 08.02.1969**

Михаил Игнатьевич Линник.
Д. Блонь Минской обл. 1961 г.

Шлябины. Пос. Мегион Тюменской обл. Май 1969 г.

Сестра Мария. Г. Запорожье.
1972 г.

Дети Шлябиных: Лина, Дима, Женя.
Пос. Мегион. 1971 г.

В день серебряной свадьбы. Пос. Мегион Тюменской обл. 23.02.1972

Вера Михайловна с дочерью Линой. 1973 г.

Дмитрий Васильевич.
Г. Мегион. 1983 г.

Дмитрий Васильевич с внучками.
Г. Мегион. 1983 г.

Вера Михайловна в подворье сына Дмитрия. Г. Мегион. 2002 г.

Вера Михайловна на берегу Мегги.
2002 г.

Вот такая картошка росла у Веры
Михайловны. 2004 г.

На демонстрации.
Г. Меггион. 9 мая 2005 г.

На даче у сына Евгения под Санкт-Петербургом.
Через год Вере Михайловне 80 лет. Май 2005 г.

Вера Михайловна – активистка КСОИ «Росиночка». Очередной праздник.

Юбилейный вечер Почётного дарителя Шлябиной В. М. в Мегионском краеведческом музее. 2006 г.

Дмитрий Васильевич с дочерью Линой и зятем Дмитрием. Мегион. 01.01.2007

Сын Дмитрий – художник, публицист, краевед, с женой Ниной. Г. Мегион. 2005 г.

Содержание

Преданная Родине	8
Первый день войны	15
Госпиталь.....	16
Сергей Данилов.....	19
И полилась кровь	20
Новые порядки	22
Гибель аиста.....	27
Баня.....	28
Лягушки на обед.....	30
Долг платежом красен	30
«Дяденька, не убивайте нас!».....	32
Кровавый сентябрь 1941 года	33
Сибиряк дядя Стёпа	36
Ива на десерт	38
Бургомистр Овсянник	39
В тот день нас били дважды	40
Костёр для детей	42
Итальянцы в Белоруссии.....	44
Воруют не только люди.....	49
Бусы подвели.....	50
Босые стражи порядка	52
Минёры	53
Листовки	54
«Я хорошо умею убивать русских»	56
Клеёнка	58
Гробы	61
«Побереги нос для немецкого госпиталя!»	62
Провокация.....	64
Последний из рода Вагнеров.....	66
Сожжённые ветви с родословного древа	71
«Майн Гот, хильфе мир! (Мой Бог, помоги мне!)»	74

Узница	76
Спасённая дюжина	78
«Имя своё я не отдам!»	80
Французский «ланцуг».....	84
Меня «фильтруют».....	86
«Почём фунт лиха?»	89
План Берлина	91
Бабушкины предсказания	94
Примечания	98
Фотографии из семейного альбома В. М. Шлябиной.....	99

ББК 63.3 (2) 662,88

М 41

Юность, опалённая войной. – Вера Шлябина. Историко-публицистические очерки. Литературная обработка: Л. Д. Кашина. – Пермь: «АСТЕР», 2015. – 110 с.: илл.

Шлябина Вера Михайловна
Юность, опалённая войной
Историко-публицистические очерки

Литературная обработка **Л. Д. Кашиной**
Компьютерный набор: **Л. Д. Кашина**
Дизайн-макет: **И. В. Алексеева**
Верстка: **Ю. Ю. Цыганов**
На второй безномерной странице:
Шлябина В. М. Фото **Т. Юргенсон**

082062001

Регион ЦБ-КО

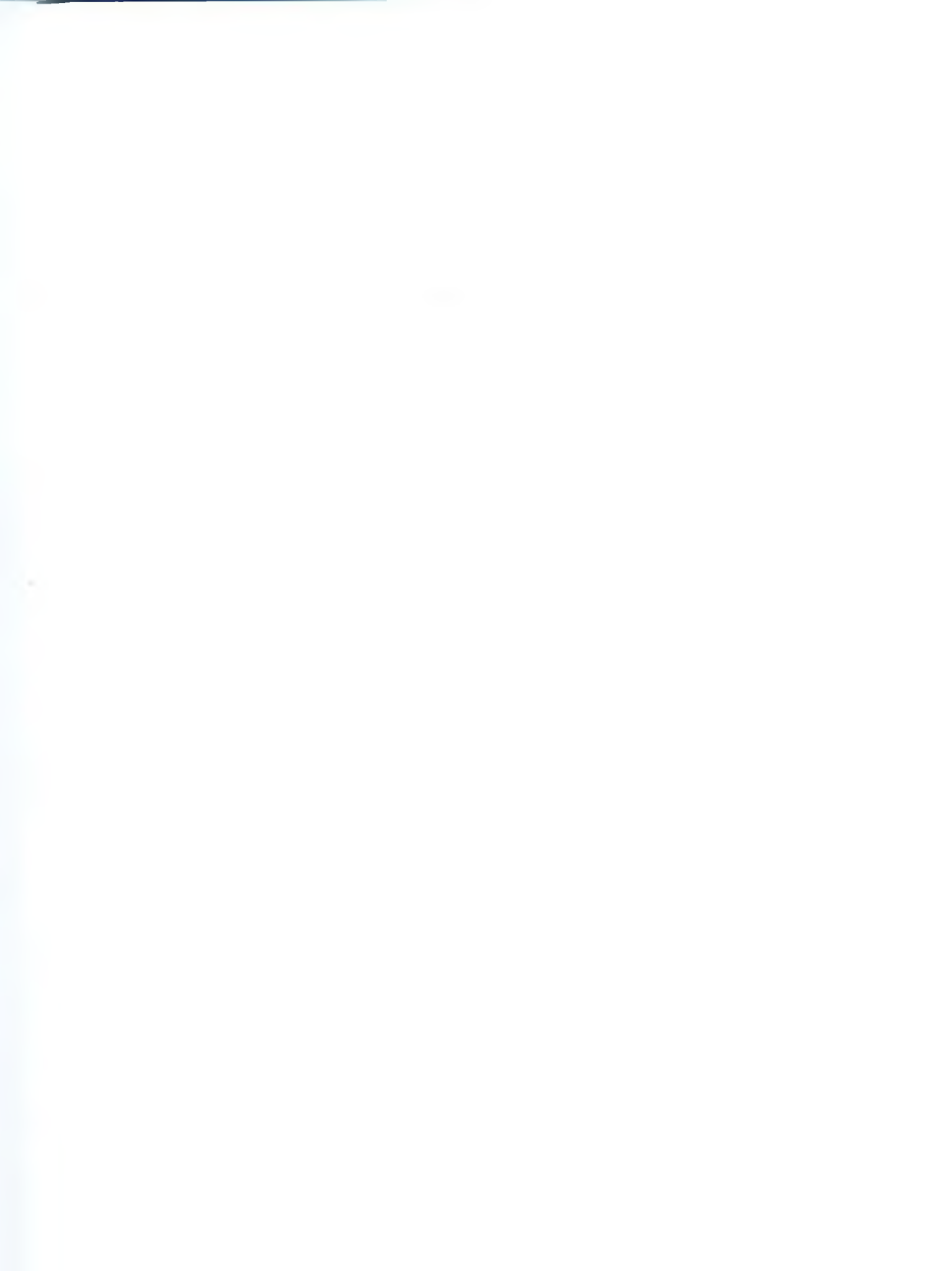
Подписано в печать 30.05.2015. Формат 175 × 233.

Бумага немелованная 80г/кв.м. блок, мелованная 250 г/кв.м.,
мелованная 115 г/ кв.м. Печать офсетная. Тираж: 300 экз. Заказ 84612

Отпечатано в ООО «ПК «АСТЕР»

Адрес: индекс 614064, г. Пермь, ул. Усольская, д. 15

Тел.: 8 342 249 54 01

1p00k

